

ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ

Периодическое издание

Выпуск № 11

2021 год

ISSN 2587-6023

ГОУ ВПО «Донбасская
аграрная академия»

МАКЕЕВКА

2021 год

ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия» приглашает к сотрудничеству студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов, а также других лиц, занимающихся научными исследованиями, опубликовать рукописи в электронном журнале «Правовая позиция».

Основное заглавие: Правовая позиция

Место издания: г. Макеевка, Донецкая Народная Республика

Параллельное заглавие: Legal position

Формат издания: электронный журнал в формате pdf

Языки издания: русский, украинский, английский

Периодичность выхода: 1 раз в месяц

Учредитель периодического издания: ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия»

ISSN: 2587-6023

Редакционная коллегия издания:

1. Сынкова Елена Михайловна – доктор юридических наук, профессор, ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
2. Моисеев Александр Михайлович – доктор юридических наук, профессор, ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».
3. Лукина Ирина Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
4. Кинаш Ярослав Иванович – кандидат юридических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
5. Горбатый Роман Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
6. Терзи Елена Станиславовна – кандидат исторических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
7. Рыжкова Елизавета Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
8. Губарь Ольга Михайловна – кандидат философских наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
9. Герасименко Ирина Николаевна – кандидат экономических наук, доцент ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
10. Смирнов Андрей Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе ДНР»
11. Завгородняя Анастасия Александровна – кандидат юридических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия»
12. Пефтиев Олег Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, ГОУ ВПО «Университет экономики и торговли им.Михаила Туган-Барановского)
13. Балко Елена Васильевна – кандидат экономических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
14. Мурашев Александр Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, ВНИИ МВД России (г. Москва).
15. Сирик Марина Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», филиал в г. Тихорецке.
16. Шошин Сергей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».
17. Вестов Федор Александрович – кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».

ISSN 2587-6023

Выходные данные выпуска:

Правовая позиция. – 2021. – № 11 (23).

9 772587 602007 >

**ОГЛАВЛЕНИЕ ВЫПУСКА
МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО
ЖУРНАЛА «ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ»**

**Раздел «Теория и история права и государства,
история учений о праве и государстве»**

Стр. 6 Иванов А.Г.

Тенденции развития современного российского федерализма

**Раздел «Гражданское право, предпринимательское право,
семейное право, международное частное право»**

Стр. 10 Алшуразова А., Жуниспаева А.

Goals and foundations of state regulation of entrepreneurship

Стр. 16 Гейдарова Е.Н.

Предложения совершенствования действующего законодательства по вопросам, связанным с применением эвтаназии в России

Стр. 22 Дорохина А.А.

Проблемы взаимодействия органов принудительного исполнения и субъектов, содействующих производству принудительного исполнения

Стр. 28 Карагичева С.А.

Географические указания как средство индивидуализации: перспективы применения

Стр. 31 Карагичева С.А.

Дополненная реальность как объект правовой охраны

Стр. 35 Ким И.Э.

Защита интеллектуальной собственности в условиях инновационной экономики: патент как способ защиты интеллектуальных прав

Стр. 39 Ким И.Э.

Унитарные предприятия как субъекты права хозяйственного ведения

Стр. 43 Кинаш Я.И., Иванова В.А., Селищева Ю.Д.

Опека и попечительство в ДНР

Стр. 49 Мохов А.Ю., Казаченко Ю.О.

Классификация имущественных прав несовершеннолетнего по законодательству Российской Федерации

Стр. 56 Цеповяз М.С.

Проблемные аспекты исполнительного производства по делам об отобрании ребенка вследствие лишения родительских прав

**Раздел «Уголовное право и криминология,
уголовно-исполнительное право,
уголовный процесс»**

Стр. 63 Монгуш А.Л.

Об относимости и допустимости доказательств в уголовном процессе в условиях цифровизации российского общества

Раздел «Гражданский процесс, арбитражный процесс»

Стр. 66 Криндач А.Г.

Мировое соглашение в рамках гражданского судопроизводства

Стр. 70 Чамлай В.В., Кукла М.Г.

Правовое регулирование деятельности института адвокатуры в Донецкой Народной Республике: основные принципы и гарантии деятельности

Раздел «Международное право, Европейское право»

Стр. 77 Олифиренко Е.П.

Институт рассмотрения обращений как механизм реализации прав и законных интересов граждан

УДК 342.24

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Иванов Андрей Гаврильевич, Северо-Восточный федеральный университет
имени М.К. Аммосова, г. Якутск, E-mail: vonavi.2000@mail.ru

Аннотация. В статье автор рассматривает содержание и тенденции развития современного российского федерализма в рамках реализации социально значимых и стратегических проектов. Затрагивается история их развития, уровень отношений федерального центра и регионов. Автор рассуждает о теме волнообразного развития федеративных отношений. Анализируется процесс становления повестки дня настоящего времени, так как своевременное изучение и анализ происходящих событий позволяют выработать дальнейший план действий, отсюда и вытекает цель исследования – рассмотреть формирование устойчивого пути дальнейшего развития федеративных отношений в Российской Федерации.

Abstract. In the article, the author examines the content and development trends of modern Russian federalism in the framework of the implementation of socially significant and strategic projects. The history of their development, the level of relations between the Center and the regions are touched upon. Discusses the topic of the undulating development of federal relations. The process of the formation of the agenda of the present time is analyzed. Since the timely study and analysis of current events allows us to develop a further plan of action, hence the purpose of the study is to consider the formation of a sustainable path for the further development of federal relations in the Russian Federation.

Ключевые слова: федерализм, тенденции, развитие, российская действительность, будущее российского федерализма.

Key words: federalism, trends, development, Russian reality, the future of Russian federalism.

В настоящее время федерализм зарекомендовал себя как эффективный способ государственного управления, обеспечивающий разделение властей по вертикали и интеграцию территориальных сообществ, предоставляя им политическую и социально-культурную автономию [8, с. 137].

В текущей работе мы опираемся на важность федеративного компонента в развитии политической системы Российской Федерации и научные труды посвященные теме становления и развития федеративных отношений. Так, в частности, в монографии Григорьева Н.А. «Современный этап эволюции системы отношений «центр-регионы» [5] и в работе Фарукшина М.Х. «Современный федерализм: российский и зарубежный опыт» [9] мы можем выделить то, что некоторые характерные черты российского федерализма видоизменяются в настоящее время. Например, мы можем говорить о «бесполезности» прямой функции Совета Федерации, укреплении централизованной власти, растущей pragmatичности отношений

«центр – регион», неравномерностью бюджетной политики, притормаживании в развитии институтов гражданского общества и об общих структурных изменениях в политике отношений с субъектами федерации.

Также российскому федерализму присуще волнообразное развитие. Как и в теории Кондратьева, это волнообразное развитие во многом зависит от социально-экономических факторов-предпосылок, однако и во многом зависит от запроса федерального центра в отношениях государственного управления. В допандемийный период мы находились на относительно низком уровне развития федеративных отношений, происходил спад по воле федеративного центра укреплялось централизованное управление. Это было заметно в отношении ряда субъектов федерации, в основном в стагнационных и застойных по социально-экономическим критериям, в таких, как ЕАО, Республика Хакасия, Чукотский автономный округ и др, происходила смена глав субъектов, централизация бюджетным финансированием и четким требованиями в интересах стратегических федеральных инфраструктурных проектах и сфере ОПК [7, с. 51]. Также этому способствовало и само общество, недовольство граждан управлением на местах, что сильно проявлялось именно в стагнационных регионах. Острые допандемийные проблемы захлебывали местные власти. Однако они вытекали по причине жесткой централизованной бюджетной политикой, нехваткой ресурсов и слабостью региональных властей в данных регионах [5, с. 161]. И как не парадоксально, проблемы с ветхим аварийным жильем, «усталостью» или отсутствием инфраструктуры, нехваткой социальных учреждений, правовой незащищенностью социально важных учреждений, плохое оснащение систем общественного транспорта (актуально в тех регионах, где после 2008 года были вновь организованы единые муниципальные транспортные компании) – взахлеб захлестнули местные органы управления.

Однако с периода объявления пандемии и эпидемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 мы можем наблюдать легкое смещение позиции федерального центра в отношении управления на местах. В начале эпидемии в Российской Федерации региональным властям, скорее всего по причине не объявления ЧС федерального масштаба и смягчений в виде мобильной управленческой позиции, был дан карт-бланш на ограничительные меры и мероприятия по сдерживанию распространения новой коронавирусной инфекции. Мы можем даже вспомнить моменты, когда губернаторы некоторых субъектов Федерации, в обход официальной позиции федерального центра, вводили запреты на свободное передвижение граждан, закрывали воздушные гавани, закрывали доступ к социальным учреждениям, вводили меры «местной» изоляции по приезду в субъект и т.д.

После этого в каналах связи региональным властям напоминалось об адекватности предпринимаемых мер. Также федеральный центр увеличил трансферты в бюджеты регионов с их же контролем и «свободным» распоряжением на нужды для борьбы с последствиями эпидемии. Однако вместе со всем этим освобождением по итогам Референдума 2020 года и голосования за измененную конституцию Российской Федерации 2020 года мы наблюдаем «вхождение» органов муниципальной власти в общую структурную вертикаль власти, что должно помочь в реализации ужесточившейся бюджетной политики

и распределению бюджетных средств. Также хорошим подспорьем стали программы реализации Национальных проектов – 2020 в рамках их осуществления в регионах. Да, бюджет проектов строго контролируется, да, его нужно освоить по четкой программе, однако региональным властям были даны некоторые свободы в организации национальных проектов, их активно слушали во время подготовки, они участвовали в написании программ и им доверена реализация данных программ на местах.

Возможно, аргумент с национальными проектами многим покажется несущественным, однако федеральный центр мог реализовывать их гораздо жестче и под более тщательным контролем, а также эта свобода возможно дала почувствовать силу региональным властям, преимущественно с депрессивным и слаборазвивающимся положением.

Мы наблюдаем, как и положительные, так и отрицательные моменты в организации федеративных отношений сегодняшнего дня. Однако с уверенностью можно говорить, что на период начала эпидемии и октября 2021 года наблюдается ослабление централизации власти и некий управленческий подъем волны развития федеративных отношений. С довольно высокой долей возможности где-то в этот период произошла кульминация, возможно она произойдет совсем скоро на фоне глобальных и национальных социально-экономических проблем и назревания очередного возможного мирового экономического кризиса, однако четкие оценки периоду можно будет дать по его окончанию.

Окончание позитивного периода, скорее всего, может начаться по причине социально-экономических потрясений. Позиция в мире и в стране крайне неустойчива, и коронакризис не добавляет уверенности в росте экономики. Уровень инфляции растет (годовое выражение уровня инфляции в стране на август 2021 – 6,68%, по данным Счетной палаты РФ), стремительно, но уже не так как в начале 2020 года растет уровень бедности (по данным Росстата, 2021 год; да, удалось сократить, но за счет социальных выплат в 2020 году, которые сократили в новом проекте бюджета на 18%), снижается уровень покупательской способности трудоспособного населения (что следует из обзора Института «Центра развития» ВШЭ «Комментарии о государстве и бизнесе» за сентябрь 2020 года), снижается уровень средней продолжительности жизни (-2,2 года, Росстат), растет общая долговая задолженность населения. Раздувается банковский пузырь, когда, несмотря на снижение ставки по ипотечному кредитованию и ДВИ, граждане с доходом 30-50 тыс. рублей берут второй уже потребительский кредит для покрытия первоначального взноса по «доступному» ипотечному кредитованию, что следует из отчета Счетной палаты РФ от сентября 2021 года), а также имеет место рост потребительских цен с марта 2020 на март 2021 года на 6%, по данным исследования ВШЭ – всё это возможные предпосылки к социально-экономическому кризису.

Отсюда при возникновении кризиса есть два пути. Путь смягчения позиции федерального центра для того, чтобы региональные властиправлялись с набегающими проблемами и только помочь от центра по требованию региональных органов власти, что повысит уровень мобильности принимаемых политических решений, либо путь усиления итак гипертрофированной роли

центра в реализации управлеченческой политики, что более вероятно, исходя с сокращений социальной доли нового проекта бюджета.

Возможно второй подход к решению назревающего кризиса, который нами считается более вероятным, способствует долгожданному выходу из череды кризисов и благоприятствует развитию экономики Российской Федерации и социально-положительному видоизменению политической системы к 2024-2028 годам.

Список использованной литературы:

1. Арженовский И.В. Региональный рынок: воспроизводственный аспект. – Нижний Новгород, 1997.
2. Богатырева Л.В. Политические партии в системе отношений «центр-регион» в 2000-е гг. (на примере ЦФО): дис. канд. полит. наук: 23.00.02 / Богатырева Людмила Вячеславовна. – М., 2013. – 201 с.
3. Бойко С. Реформа федерального устройства РФ: Проблемы и перспективы // Политический альманах Прикамья. – Пермь, 2001. – С. 24-30.
4. Глигич-Золотарева М.В. Теория и практика федерализма: системный подход. – Новосибирск, 2009.
5. Григорьев Н.А. Современный этап эволюции системы отношений «центр-регионы» // Вестник СВФУ. – 2014. – Т. 11. – № 2. – С. 159.
6. Зубаревич Н.В. Геополитические приоритеты в региональной политике России: возможности и риски // Контрапункт. – 2015. – № 1. – С. 1-11.
7. Зубаревич Н.В. Влияние пандемии на социально-экономическое развитие и бюджеты регионов // Вопросы теоретической экономики. – 2021. – № 1 (10). – С. 48-60.
8. Ковалева М.Ш. Перспективы развития российского федерализма // Управленческое консультирование. – 2019. – № 8 (128).
9. Фарукшин М.Х. Современный федерализм: российский и зарубежный опыт. – Казань, 1998.
10. Федерация: проблемы взаимоотношений центра и регионов в современной системе координат / Игнатьева В.Б. – Якутск: Изд-во СО РАН, Якутский филиал, 2007.
11. Элейзер Д.Дж. Сравнительный федерализм // Полис. – 1995. – С. 106-115.

GOALS AND FOUNDATIONS OF STATE REGULATION OF ENTREPRENEURSHIP

*Alshurazova Aizhan, Mukhtar Auezov South Kazakhstan University,
Shymkent, Kazakhstan, E-mail: alshurazova-0807@mail.ru
Zhunispaeva Ainur, Zhetsu University named after I. Zhansugurov,
Taldykorgan, Kazakhstan, E-mail: ainur_zhunispaeva@mail.ru*

Abstract. This article discusses the goals and system of state regulation of business activity in Kazakhstan, the development of the legal framework governing the freedom of entrepreneurship. The objective necessity of state regulation of market relations arises from the need to protect public interests, since only the state can and should protect public interests on behalf of its bodies.

In Kazakhstan, the system of state regulation of business activity has been created in the new market conditions. In the first years of independence, there was a legal framework that regulates the relations of private property, civil society and business freedom. Government agencies resolved issues as they arose, introducing new regulatory tools.

Realizing the need to limit the forced introduction of business regulation, the State has carried out reforms aimed at improving the effectiveness of state regulation.

State regulation of business activity, along with investment policy, infrastructure and human capital development policy, and credit and financial policy, is part of the overall economic development policy of the State.

Аннотация. В данной статье рассмотрены цели и система государственного регулирования предпринимательской деятельности в Казахстане, развитие правовой базы, регулирующей свободу предпринимательства. Объективная необходимость государственного регулирования рыночных отношений вытекает из необходимости защиты публичных интересов, поскольку только государство может и должно защищать общественные интересы от имени своих органов.

В Казахстане система государственного регулирования предпринимательской деятельности создана в новых рыночных условиях. В первые годы независимости сложилась правовая база, регулирующая отношения частной собственности, свободы гражданского общества и предпринимательства. Государственные органы решали вопросы по мере их возникновения, внедряя новые регуляторные инструменты.

Понимая необходимость ограничения принудительного введения регулирования предпринимательской деятельности, государством проведены реформы, направленные на повышение эффективности государственного регулирования.

Государственное регулирование предпринимательской деятельности наряду с инвестиционной политикой, политикой развития инфраструктуры и человеческого капитала, кредитно-финансовой политикой является частью общей политики экономического развития государства.

Key words: state regulation, legal framework, state regulation of business activity, technical regulation, regulation of prices and tariffs.

Ключевые слова: государственное регулирование, правовая база, государственное регулирование предпринимательской деятельности, техническое регулирование, регулирование цен и тарифов.

The objective need for state regulation of market relations arises from the need to protect public interests because only the state can and should protect public interests on behalf of its bodies.

According to the National Encyclopaedia of Kazakhstan, "state regulation is one of the forms of state participation in socio-economic life, direct or indirect influence of the state on the distribution of national resources and the formation of harmony" [1].

Russian researchers S.S. Zankovsky and V.V. Laptev explained that "state regulation implies a set of measures of an economic, legal and organizational nature that affect the economy, including state control over compliance by business entities with the requirements of legislation" [2, p. 343]. E.P. Gubin defined that "state regulation of entrepreneurial activity is the activity of the state aimed at implementing the economic policy of the state using special tools, forms and methods" [3, p. 397].

The development of entrepreneurship in Kazakhstan, especially small and medium-sized businesses, plays an important role in the implementation of economic reforms.

In annual address of the head of state N.A. Nazarbayev to the people of Kazakhstan dated February 7, 2008 "the growth of the welfare of citizens of Kazakhstan is the primary goal of state policy" N.A. Nazarbayev noted that the developed business sector is the basis of the economy of any country [4]. In this regard, as part of the administrative reform, he instructed the government to decisively reduce the administrative burden on business, further simplify the licensing system, primarily licensing, certification, and accreditation.

In Kazakhstan, the system of state regulation of business activities has been created in new market conditions. In the first years of independence, the legal framework regulating private property relations, civil society and freedom of entrepreneurship was developed. Government agencies have resolved issues as they arise with the introduction of new regulatory instruments. Realizing the need to limit the forced introduction of business regulation, the state carried out reforms aimed at improving the efficiency of state regulation. In 2006, the law of the Republic of Kazakhstan "on private entrepreneurship" was adopted, which provides for the creation of expert councils under state bodies. As a result, the business has the opportunity to participate in the development of regulatory legal acts through expert councils established at central state, local representative, and executive bodies.

At the same time, the law of the Republic of Kazakhstan "on private entrepreneurship" provides for the rules of state protection and support of private entrepreneurship, criteria for determining the rate, and much more.

In 2007, the law of the Republic of Kazakhstan "on licensing" was adopted, which approved a complete list of licensed activities and new licensing rules.

In 2011, the principle of "one window" was introduced for approval with all government agencies when obtaining licenses, and "silence is a sign of consent" was

applied to all permits. Also, a unique period for issuing licenses is 15 working days, a two – day period for checking the completeness of the submitted set of documents has been established, and mandatory notarization of documents has been cancelled.

In 2012, the issuance of all licenses was transferred to electronic format, a notification procedure was introduced for permits that are not directly related to the threat to the life and health of citizens, but are of an informational nature, which does not affect security from high risks. Currently, the law of the Republic of Kazakhstan on permits and notifications "on licensing", which was repealed and adopted on May 16, 2014, [5] is in effect. An important reform of state control and supervision in relation to business entities is the introduction of the law of the Republic of Kazakhstan "on state control and supervision in the Republic of Kazakhstan" in 2011, which approved common principles for the implementation of control and supervisory activities of state bodies. The concept of state regulation of business activities until 2020 was adopted, approved by the resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated April 18, 2014, No. 380. This concept aims to increase the effectiveness of state regulation of business activities by creating a balanced system in which regulation is predictable, cheap for business and effective in achieving goals and avoiding corruption.

Achieving this goal is ensured through the gradual and systematic solution of the following tasks:

- reorientation of state control and supervision from definition and punishment to prevention and prevention;
- creating conditions for the development of self-regulation of business;
- improving norm-setting based on Regulatory Impact Analysis and public discussion of draft regulatory legal acts related to business;
- bringing technical regulation in line with international practice and integration processes;
- establishing approximate responsibility to encourage law-abiding behaviour;
- improving the level of consumer protection;
- reducing the burden of state regulation of entrepreneurs;
- systematization and optimization of information tools.

The concept of state regulation of business activities until 2020, approved by the resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated April 18, 2014, No. 380, defined the stages of implementation of the policy of state regulation of business activities, i.e., three main stages.

Stage 1-preparation (2014-2016). At this stage, it is planned to carry out the following activities:

- 1) creation of a system of institutional policy support;
- 2) complete reform of regulatory instruments.

The key element of building a system of institutional support is the determination of the consultative and advisory body and its place in the executive power of the Republic of Kazakhstan.

The reform of regulatory instruments is already underway in the Republic of Kazakhstan. To complete the first stage, it is necessary to complete the reform of the control and supervision system, develop and implement a system of self-regulation where possible, as well as carry out the reform of information tools.

Stage 2-procedural (2016-2018). *At this stage, it is planned to carry out the following activities:*

- fully develop the necessary methods for conducting regulatory impact analysis.
- introduction of procedures for planning, developing, and reviewing regulation, ensuring dialogue with public associations.
- introduction of the reporting system of state bodies.

At the second stage, work will be carried out on:

- 1) methods of Regulatory Impact
- 2) the procedure for preparation and submission of periodic reports on regulatory activities of state bodies.
- 3) the development of a standard costing methodology.

After the development and testing of appropriate methods, appropriate civil servants training will be carried out. It is necessary to fully implement the procedures for planning, developing, and reviewing regulations provided for in the concept, and ensure strict compliance with the procedures for public discussion.

In the final part of the second phase, a system of periodic reports by public authorities on the work done in drafting and reviewing the regulation will be fully implemented.

Stage 3-final (2018-2020). *At this stage, the following actions are planned:*

Analysis of the performance of regulatory functions by public authorities.

Introduction of a system to monitor the effectiveness of public policies regulation of the institutional system, procedures, and methodologies [6].

The Business Code of the Republic of Kazakhstan, adopted on 29 October 2015, is the only legislative act providing for comprehensive regulation of social relations, State regulation and support of business in the sphere of entrepreneurship, including entrepreneurial interactions and wealth [7]. At the same time, it systematized the provisions of the laws on the principle of homogeneity, established uniform principles, measures of state support of private entrepreneurship, agro-industrial complex, industrial-innovative, investment-oriented. The earlier reform of the licensing system and State control and supervision ensured that relevant regulatory instruments were inventoried and approved only at the level of laws, recognizing all other permissive and control functions, which are not listed as illegal. State regulation of business activities is part of the overall economic development policy of the state, along with investment policy, infrastructure and Human Capital Development Policy, and credit and financial policy. Methods of state regulation of economic relations are divided into direct and indirect. Direct methods of state regulation are mainly related to the use of administrative tools to influence the behaviour of business entities. Such methods of state regulation include state registration of business entities, licensing of certain types of business activities, and much more.

The essence of indirect methods of state regulation is based on economic means of influence, manifested not by direct influence of power on the behaviour of business entities, but by indirect influence from the point of view of economic interests [8, pp. 87-88].

In accordance with Article 80 of the business code of the Republic of Kazakhstan, adopted on October 29, 2015, "the objectives of state regulation of entrepreneurship are to ensure the safety of goods, works, services produced and sold by a business entity for life and health of people, protection of their legitimate interests, safety for the environment, national security of the Republic of Kazakhstan, protection of property interests of the State" [7].

State regulation of entrepreneurship through the establishment by the state of mandatory requirements for business entities, including:

- 1) legislation of the Republic of Kazakhstan;
- 2) decrees of the president of the Republic of Kazakhstan;
- 3) regulatory resolutions of the Government of the Republic of Kazakhstan;
- 4) normative legal orders of Ministers of the Republic of Kazakhstan and heads of other central state bodies and their departments;
- 5) normative legal acts of the National Bank of the Republic of Kazakhstan and the authorized body for regulation, control and supervision of the financial market and financial organizations;
- 6) regulatory instruments at the level of regulatory legal decisions of maslikhats, regulatory legal decisions of akims, regulatory legal resolutions of akimats.

It is carried out through the forms and means of state regulation of entrepreneurship:

- 1) Establishment by regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan of requirements for business entities, as well as products and processes;
- 2) state registration of business entities;
- 3) introduction of a permit or notification procedure for carrying out certain types of activities or actions (operations) by business entities;
- 4) technical regulation;
- 5) state regulation of prices and tariffs;
- 6) compulsory insurance of civil liability of business entities in accordance with the legislation of the Republic of Kazakhstan;
- 7) state control and supervision;
- 8) protection of competition and restriction of monopolistic activity;
- 9) state order;
- 10) establishing the responsibility of business entities and officials of state bodies by the laws of the Republic of Kazakhstan;
- 10-1) implementation of information tools;
- 10-2) introduction of self-regulation based on mandatory membership (participation) in a SRO;
- 11) through other forms and means of state regulation of entrepreneurship established by the laws of the Republic of Kazakhstan.

Since the goals of state regulation often go beyond pure economic policy and affect the security of citizens and society and the stability of the state, business activities should be considered as an integral part of the national policy, taking into account the existing contacts and influences on state regulation. Business regulation policies differ in the set of tools used.

In conclusion, for the development of entrepreneurship, it is necessary to have a certain degree of freedom and rights of the subject, voluntariness in choosing the

direction of economic activity, the presence of risks to the decisions made and the resulting results. The development and regulation of entrepreneurship is the key to market development. Therefore, the rise of many issues related to entrepreneurship also proves the importance of its role in the economy. One of the main forces for the stability of the country's economy and the formation of its competitive character is the improvement of entrepreneurship. Any state should create all possible conditions for the smooth development of its economy.

List of references:

1. Kazakhstan. National encyclopaedia. Ayagan B. (Ed.). – Almaty: "Kazakh encyclopaedia". – 2004. – 392 p.
2. Entrepreneurial (economic) law. Lapteva V.V, Zankovskiy S.S Moscow. "Wolters Kluwer", 2006. – 560 p.
3. Entrepreneurial law of the Russian Federation: textbook. E.R. Gubin, A.G. Lakhno. – 3rd ed., Processing. and the ball. – Moscow: "Norma: INFRA-M". – 992 p.
4. Address of the head of State N. A. Nazarbayev to the people of Kazakhstan" Growth of Welfare of Kazakhstan's Citizens is the Primary Goal of State Policy". February 16, 2008. – URL: <https://www.akorda.kz/>
5. Law of the Republic of Kazakhstan on permits and notifications, 16.05.2014. – URL: <http://adilet.zan.kz/>
6. Concept of state regulation of business activities until 2020, approved by the resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated April 18, 2014 No. 380. – URL: <http://adilet.zan.kz/>
7. Business Code of the Republic of Kazakhstan dated 29.10.2015. – URL: <http://adilet.zan.kz/>
8. Moroz S.P. Entrepreneurial (economic) law. Almaty: Bastau publishing house, 2009. – 288 p.

УДК 341.231.14

ПРЕДЛОЖЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ВОПРОСАМ, СВЯЗАННЫМ С ПРИМЕНЕНИЕМ ЭВТАНАЗИИ В РОССИИ

Гейдарова Екатерина Николаевна,
Российский новый университет, г. Москва

E-mail: nanop@yandex.ru

Аннотация. На сегодняшний день особое внимание заслуживает провозглашенное конституционное право на жизнь и его пределы. В научной среде нередко акцентируется дискуссия на антиподе права на жизнь – праве на смерть. В таком случае речь начинает идти о возможности применения эвтаназии.

В действующем российском законодательстве не признается фактически право на смерть и, как следствие, невозможно и применение эвтаназии. Вместе с тем растет количество неизлечимых заболеваний и все больше граждан Российской Федерации изъявляет желание о применении к ним эвтаназии. Некоторые копят денежные средства на поездку в зарубежные страны, в которых эвтаназия легализована.

Abstract. To date, the declared constitutional right to life and its limits deserve special attention. In the scientific environment, the debate on the antithesis of the right to life, the right to die, is often emphasized. In this case, it begins to talk about the possibility of euthanasia. The current Russian law does not actually recognize the right to die and, as a result, it is impossible to use euthanasia. At the same time, the number of incurable diseases is growing and more and more citizens of the Russian Federation are expressing a desire to apply euthanasia to them. Some save money to travel to foreign countries where euthanasia is legalized.

Ключевые слова: легализация, право на жизнь, смерть, эвтаназия.

Key words: legalization, the right to life, death, euthanasia.

Ст. 45 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» регламентирует запрет медицинским работникам на осуществление эвтаназии, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента. Эта законодательная формулировка вызывает определенные сомнения, что касается круга субъектов запрета. Кажется неправильным подход, когда прямой запрет осуществления эвтаназии касается только медицинских работников, а скажем, о фармацевтических работниках или других лицах ничего не сказано. Очевидно, что такой формальный запрет должен касаться всех без исключения субъектов.

К примеру, О.С. Капинус считает, что эвтаназия и юридическая ответственность за нее должны рассматриваться в контексте права на жизнь,

которое относится к числу основных личных прав человека. Обосновывается положение, что отсутствие законодательно закрепленного права на смерть обуславливает отсутствие права на эвтаназию. Человек не имеет права распоряжаться ни своей, ни тем более чужой жизнью с целью ее прекращения, так как подобные действия, независимо от их мотивации, нарушают внутренний порядок, присущий общественным отношениям по охране жизни. В связи с этим автор придерживается мнения о том, что легализация эвтаназии в России была бы преждевременна [1, с. 126]. Однако данное мнение было автором высказано в 2006 году и не учитывало того, что на сегодняшний день возрастает количество людей, страдающих неизлечимыми заболеваниями в Российской Федерации.

Следует обратить внимание на то, что инициатива активной добровольной эвтаназии должна исходить именно от пациента, а в России нет традиционно правдивого информирования больного о его болезни.

Например, в Бельгии пациенты, изъявившие желание о применении к ним эвтаназии, должны осознавать значение своих действий, быть проинформированы о своем заболевании и его прогнозе, а также самостоятельно сообщить врачам о своем желании уйти из жизни. Закон также устанавливает, что должно пройти не менее одного месяца с момента подачи письменного заявления об эвтаназии и до совершения самой процедуры [2, с. 202].

Однако в Российской Федерации больные не всегда даже знают правду о своем заболевании.

Рассмотрев проблематику вопроса, связанного с применением эвтаназии, представляется необходимым предложить и способы совершенствования действующего законодательства.

Так, необходимо отметить, что вопреки доводам противников эвтаназии в последние годы не только в зарубежной, но и в отечественной прессе справедливо отмечается, что законодательное разрешение эвтаназии не приведет к увеличению количества злоупотреблений. Напротив, современное правовое положение порождает скрытие истинного намерения прекращения жизни. Мы считаем, что при наличии хорошо разработанных медиками и юристами положений, учитывающие многочисленные факторы, при устраниении противоречий в законе и приведении законодательных норм в соответствие с правами человека, подобных правонарушений станет меньше.

Так, на необходимость легализации эвтаназии указывают следующие обстоятельства.

В медицине существует множество болезней, от которых нет лекарства. В России нет нормативного правового акта, содержащего перечень неизлечимых заболеваний и устанавливающего порядок их признания таковыми. В качестве примера рассмотрим такую болезнь, как рак. По данным ВОЗ, онкология является второй по значимости причиной смерти людей во всем мире. При таком количестве болезней, которые в конце жизни приводят к мучительной боли, вопрос об эвтаназии может рассматриваться только тогда, когда пациент близок к самоубийству.

Сегодня остро стоит вопрос о легализации эвтаназии в Российской Федерации. По статистике Минздрава по онкологическим заболеваниям, в России ими страдают около трех миллионов человек, а за последние 10 лет

количество таких людей, по статистике, выросло на 18%. На конец отчетного 2018 года контингент пациентов составил 3762218 человек, то есть 2,6% населения страны [3]. И количество онкобольных растет. Онкологические заболевания причиняют пациентам не только сильную физиологическую боль, но и невыносимые душевые страдания как пациентам, так и их родственникам.

Но эти предпосылки, наряду с четко выраженной просьбой пациента, являются определяющими факторами, позволяющими поставить вопрос о допустимости медицинского вмешательства с целью положить конец жизни.

Полагаем, что при законодательном разрешении на эвтаназию должны быть разработаны и неукоснительно соблюдены особые условия, которые были разработаны и достаточно подробно протестированы в ряде стран, например в Нидерландах, в некоторых штатах Австралии и США, где эвтаназия разрешена законом [4, с. 108]. Здесь уже сложились традиции и методы эвтаназии, разработаны законодательные акты, форма и порядок принятия завещания; имеется богатый опыт досудебного и судебного разбирательства таких дел.

На наш взгляд, в связи с вышеизложенным необходимо однозначно правовое решение вопросов эвтаназии с указанием недопустимости применения активной эвтаназии, а также перечня условий, позволяющих, в исключительных случаях, пассивную эвтаназию. Принятие такого решения и осуществление эвтаназии должно быть в строгом соответствии с порядком, который, с учетом опыта других стран, должен быть разработан юристами и медиками.

В связи с этим представляется, что в законодательство Российской Федерации могут быть внесены изменения в части легализации пассивной формы эвтаназии, когда, к примеру, больной долгое время, пребывающий в коме, независимо от того умер его мозг или нет, может быть отключен от аппарата искусственного дыхания с согласия родных или иных управомоченных лиц. В настоящее время отключение от аппарата возможно, но при условии, что мозг пациента уже умер.

Однако для проведения данной процедуры должен быть соблюден ряд условий: обязательное письменное согласие родных, обязательное письменное заключение, как минимум 3-х врачей, об отсутствии перспектив выхода из данного состояния, данное заключение должно быть удостоверено главным врачом больницы, а также копия заключения должна быть направлена прокурору для дачи своего положительного либо отрицательного заключения. Также полагаем необходимым создание специальных комиссий как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов, которые будут проверять законность действий медицинского персонала.

В целом, если обратиться к опыту зарубежных стран по вопросу эвтаназии, то практически во всех из них существует отдельный закон, посвященный данной процедуре. В связи с этим для легализации в России эвтаназии также необходимо обсудить и принять отдельный закон об эвтаназии, а в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в таком случае следовало лишь обозначить общие положения, которые бы говорили о возможности применения такой процедуры. Приведенные выше соображения позволяют уточнить и дополнить перечень условий проведения эвтаназии и представить их в следующей редакции:

- решение об эвтаназии должно быть принято дееспособным гражданином;
- просьба гражданина об эвтаназии должна быть добровольной, сознательной и выражаться в неоднозначной форме;
- невозможность спасения жизни, установленная советом врачей, должна быть точно установлена с введением неопровергимых доказательств – специалистов с обязательным единогласием или, в исключительных случаях, должно быть точно установлено, что даже если смерть не наступит в обозримом периоде, развитие болезни, несомненно, приведет к необратимой деградации личности;
- необходимо установить, что невозможно облегчить тяжелые физические и психические страдания пациента известными средствами;
- обязательным условием эвтаназии является предварительное разрешение прокурора (или решение суда);
- закон об эвтаназии должен предусматривать возможность введения моратория на случаи выявления нарушений в практике применения закона;
- в целях соблюдения законности требуется обязательный прокурорский надзор и надзор медицинских комиссий за выполнением соответствующих медицинских мероприятий.

Данные изменения в большей степени должны найти свое правовое отражение в специальном федеральном законе, посвященной процедуре эвтаназии, которая должна быть строго регламентирована со всех аспектов.

Нельзя не обратить внимания и на изменения, которые должны быть внесены в действующее уголовное законодательство.

Так, на наш взгляд, законодателю необходимо разграничивать составы таких преступлений как убийство, которое уже регламентируется в действующем уголовном законодательстве (ст. 105 УК РФ [5]) и эвтаназия.

Безусловно, эвтаназия – убийство, поэтому эвтаназию необходимо отнести кциальному виду состава преступления [6, с. 398]. В связи с этим эвтаназию следует выделить в отдельный и специальный состав преступления.

По мнению государственного советника юстиции 2 класса, ректора Академии Генеральной прокуратуры РФ Оксаны Капинус, эвтаназия требует особого подхода. Эвтаназию нельзя приравнять к уголовному преступлению в полной мере. Рассматривая законодательство РФ, мы приходим к мнению, что в отношении убийства матерью новорожденного ребенка, совершенное в связи с особым психологическим состоянием женщины, накзывают менее строго, чем за убийство – максимальный срок лишения свободы составляет пять лет (ст. 106 УК РФ). А за убийство без отягчающих обстоятельств, медицинскому работнику могут назначить 15 лет лишения свободы (ч. 1 ст. 105 УК РФ).

Однако, когда эвтаназию фактически осуществляют простые граждане, не являющиеся медицинскими работниками (например, родственники больного), российские суды считают сострадание смягчающим обстоятельством и, как правило, назначают более мягкое наказание по сравнению с тем, которое полагается за обычное убийство. Так, в частности, гражданин К. был осужден за убийство своей матери, имеющей онкологическое заболевание, не поддающееся лечению. Она испытывала сильные боли, из-за чего дважды предпринимала

попытки суицида, а также просила сына помочь ей уйти из жизни. Суд признал К. виновным, однако, учитывая обстоятельства дела и степень общественной опасности, назначил ему условное наказание без лишения свободы.

Элементы данного состава преступления создавали бы условия для отграничения уголовно наказуемой эвтаназии от других составов преступлений, при которых причиняется смерть человеку. Создание такой уголовно-правовой нормы, предусматривающей уголовную ответственность за эвтаназию, несет в себе превентивное значение и не позволит избежать наказания определенному кругу лиц. Правовое закрепление такой нормы приведет к тому, что угроза уголовного наказания за эвтаназию будет являться одним из государственных элементов, позволяющих сохранить жизнь человеку.

Вместе с тем, поскольку мы пришли к выводу о возможности применения пассивной эвтаназии, то и ответственности должны подлежать лица, которые совершили активную эвтаназию. Диспозиция данной статьи должна быть содержательно указана законодателем. Также необходимым было бы и издание соответствующего разъяснительного постановления Пленума Верховного Суда РФ по данному вопросу.

Вопросы, связанные с эвтаназией, на сегодняшний день являются достаточно дискуссионными среди ученых, медиков, специалистов и правоприменителей.

Проанализировав практику обращения граждан к эвтаназии, данные социологического опроса, судебную практику, мы пришли к выводу о необходимости внесения соответствующих изменений в законодательство Российской Федерации, которыми была бы легализована пассивная форма эвтаназии. К сожалению, данная необходимость вызвана современными реалиями, учащенными случаями заболеваний неизлечимыми болезнями, которые причиняют мучительные страдания.

Таким образом, необходимо однозначное правовое решение вопроса об эвтаназии с указанием перечня условий, допускающих пассивную эвтаназию в исключительных случаях. Принятие такого решения должно начинаться с юридического сопровождения и разработки процедуры строгого контроля за каждым случаем эвтаназии. При этом врачи должны помнить, что в соответствии с законодательством Российской Федерации склонение к эвтаназии и осуществление любой ее формы является преступлением.

Внесение соответствующих изменений и легализация пассивной формы эвтаназии ни в коем случае не умоляют необходимость разработки со стороны медицинских специалистов способов излечения тяжелых заболеваний. Безусловно, что основной акцент должен быть сделан именно на излечении от болезни, а не на прекращении жизни в связи с муканиями.

Список использованной литературы:

1. Агишева Э.Р., Баймашев А.Ш. Эвтаназия в онкологии // В сборнике: Фундаментальная и прикладная наука: новые вызовы и прорывы: сборник статей Международной научно-практической конференции. – 2020. – С. 239-242.

2. Ахметшин Р.Э. Проблема легализации эвтаназии в Российской Федерации // В сборнике: Актуальные вопросы юридической науки и практики. Материалы III Международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 295-298.

3. Баstrykin о деле Белой и Сушкевич: «У нас нет сомнений в объективности экспертизы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newkalininingrad.ru/news/briefs/community/23821731-bastrykin-o-dele-beloy-i-sushkevich-u-nas-net-somneniy-v-obektivnosti-ekspertiz.html> (дата обращения: 03.10.2021)

4. Возможность сделать эвтаназию дает людям ощущение покоя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://plus-one.ru/society/vozmozhnost-sdelat-evtanaziyu-daet-lyudyam-oshchushchenie-pokoya> (дата обращения: 15.05.2021)

5. Вынесен приговор в отношении бывшего сотрудника полиции В. Корсакова, признанного виновным в причинении смерти своей матери [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://orehovo-zuevo.mo.sudrf.ru/modules.php?name=press&op=1&did=99> (дата обращения: 18.10.2021)

6. Высочина Ю.Л. Эвтаназия и отказ от реанимации как реализация принципа автономии пациента // Вестник молодых ученых и специалистов Челябинской области. – 2018. – № 1. – С. 25-27.

7. Гейдарова Е.Н. Эвтаназия в России. Каждый имеет право на смерть? // Научный электронный журнал Меридиан. – 2019. – № 15 (33). – С. 396-398.

8. Капинус О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление. – М.: Буковед, 2006. – 400 с.

9. Когда смерть не преступление: КС оправдывает суициальный туризм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/story/214907/> (дата обращения: 15.10.2021).

10. Кутлина Е. Этико-психологические и теоретико-правовые проблемы эвтаназии // В сборнике: Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества. Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции «Право на устойчивое развитие», посвященной Дню прав человека. Институт права Башкирского государственного университета. – 2016. – С. 125.

11. Лушникова А. И. Право на эвтаназию: анализ судебной практики Великобритании и США // Сравнительное конституционное обозрение. – 2017. – № 2. – С. 106-120.

12. Мартиросян А.А. Международно-правовой статус права человека на эвтаназию // Современные научные исследования и инновации. – 2020. – № 9 (113). – С. 11.

13. Матюшайтись Н.В., Воронова В.А. Эвтаназия как конституционное право в зарубежных странах // Сборник научных работ серии «Право». – 2020. – № 1 (17). – С. 127-135.

14. Министерство здравоохранения Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minzdrav.gov.ru/> (дата обращения: 16.10.2021).

15. Парламент Чили одобрил эвтаназию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://korrespondent.net/world/4350261-parlament-chily-odobryl-evtanaazyui> (дата обращения: 06.10.2021).

16. Реализация права на охрану здоровья в контексте проблемы права на эвтаназию в правовом поле [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.survio.com/survey/d/L5J9N9G7C9I8Y9M5C> (дата обращения: 01.10.2021)

УДК 34.096

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ И СУБЪЕКТОВ, СОДЕЙСТВУЮЩИХ ПРОИЗВОДСТВУ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ

Дорохина Анастасия Александровна, Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону
E-mail: a.a.aleynikova.com@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы взаимодействия органов принудительного исполнения и субъектов, содействующих производству принудительного исполнения. Автор отмечает, что в современный период в юридической теории отсутствует единство относительно перечня этих лиц. На основе анализа ФЗ «Об исполнительном производстве» даётся характеристика таких субъектов, как переводчик, понятой и специалист; определяются проблемные моменты их взаимодействия с приставом исполнителем и предлагается доктринально и законодательно закрепить перечень этих лиц в отдельной статье Закона «Об исполнительном производстве» и детализировать их правовой статус в принудительном исполнении.

Abstract. The article deals with the problems of interaction between the enforcement authorities and the subjects that facilitate the production of compulsory enforcement. The author notes that in the modern period in the legal theory there is no unity regarding the list of these persons. Based on the analysis of the Federal Law "On Enforcement Proceedings", a description of such subjects as a translator, an attesting witness and a specialist is given; the problematic aspects of their interaction with the bailiff are determined and it is proposed to document the list of these persons in a separate article of the Law "On Enforcement Proceedings" and to detail their legal status in compulsory execution.

Ключевые слова: субъекты исполнительного производства, судебный пристав-исполнитель, переводчик, понятой, специалист, принудительное исполнение.

Key words: subjects of enforcement proceedings, bailiff, translator, witness, specialist, compulsory execution.

Как известно в силу установлений статьи ФЗ № 229-ФЗ от 2 октября 2007 года «Об исполнительном производстве» (далее – ФЗ № 229) [1], основным субъектом исполнительного производства, на которого возложено исполнение судебных решений является ФССП и её региональным отделениям [2]. Это орган исполнительной власти федерального значения с централизованной структурой, вертикальной системой подчинения, процессуальной самостоятельностью, а также необходимым объёмом прав и обязанностей, содержание которых позволяет обеспечить беспрепятственное осуществление правосудия и

эффективное исполнение судебных решений и иных отнесённых к её компетенциям правоохранительных функций. Однако эффективность исполнения судебными приставами-исполнителями указанных функций во многом зависит от таких субъектов исполнительного производства, как лица, содействующие исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе. К таким лицам относятся: переводчик, понятые, специалист, лицо, которому судебный пристав-исполнитель передал под охрану или на хранение арестованное имущество, и др.. Именно вопрос взаимодействия органов принудительного исполнения и субъектов, содействующих производству принудительного исполнения в контексте проблем, возникающих в ходе его осуществления, является предметом данной статьи.

Прежде чем обозначить имеющиеся проблемы взаимодействия указанных субъектов, целесообразно дать краткую характеристику полномочий лиц, содействующие исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе и выяснить какую роль они играют в исполнительном производстве. При этом важное значение имеет, что у этих лиц отсутствует юридическая, материальная и любая иная заинтересованность. Они привлекаются в исполнительное производство для реализации конкретных задач.

В качестве первого субъекта, содействующего принудительному исполнению, законодатель называет переводчика. Условия его участия в исполнительном производстве определены в статье 58 ФЗ № 229 – это не владение сторонами или одной из сторон государственным языком.

Законодатель достаточно чётко и полно детализировал участие переводчика в конкретном исполнительном производстве, оно предельно ограничено. Его привлекают не в качестве участника исполнительного производства, а лишь для исполнения отдельных действий, что позволяет сделать вывод о том, что он не является полноправным субъектом правоотношений в исполнительном производстве. При этом, в указанной статье определяется его правосубъектность и все компоненты, её составляющие: правоспособность, дееспособность и деликтоспособность [4, с. 234].

К числу проблемных аспектов привлечения переводчика в качестве лица, содействующего производству принудительного исполнения, специалисты относят не корректность положений статьи 58, буквальное толкование которой может привести к выводу, что по факту стороны самостоятельно обеспечивают участие в принудительном исполнении.

Судебный пристав-исполнитель предоставляет сторонам срок для его приглашения, а если стороны не обеспечат участие переводчика в указанный срок, то судебный пристав-исполнитель назначает переводчика по своему усмотрению. Действительно, данная норма не вполне корректна, так как сторона, которой необходим переводчик в действительности может не владеть русским (государственным) языком и в этом случае обеспечить участие переводчика в короткие сроки может быть затруднительно. А положение о том, что «в противном случае судебный пристав-исполнитель назначает переводчика по своему усмотрению» также вызывает вопросы относительно того, насколько в данном случае соблюдены процессуальные гарантии защиты прав лиц, участвующих в исполнительном производстве.

Требования к переводчику вполне конкретны: дееспособность, достижение возраста 18 лет, владение языками, знание которых необходимо для перевода.

Обязанности переводчика в рассматриваемой статье не указаны, но их косвенным образом можно вывести из пункта 5 статьи 58 ФЗ № 229 в котором говорится о том, что переводчик несет ответственность за заведомо неправильный перевод, следовательно, основная обязанность переводчика – обеспечение правильного перевода. Отсутствие в рассматриваемой статье четко указанных обязанностей переводчика вызывает недоумение, также как и скудность правового регулирования его прав. Законодатель закрепляет лишь право на вознаграждение за выполненную работу, что относится к расходам по совершению исполнительных действий. И в этом случае возможно несколько проблемных моментов.

Судебный пристав-исполнитель в рамках взаимодействия с переводчиком, приглашает его для перевода при осуществлении исполнительных действий для того, чтобы переводчик оказал ему содействие и соответственно переводчик полагает, что его труд будет оплачен. Однако с оплатой могут возникнуть проблемы, если должник – неплатежеспособное или несовершеннолетнее лицо [6].

В первом случае оплата может быть задержана, а во втором может возникнуть проблема с оплатой, так как средства на вознаграждение переводчику не могут быть взысканы с самого должника в силу его несовершеннолетия.

Во втором случае эти средства должен предоставить законный представитель несовершеннолетнего должника. В таких условиях, переводчики не всегда изъявляют желание содействовать судебному-приставу исполнителю в исполнительных действиях, прибегая к различным уловкам для того, чтобы не участвовать в их исполнении, что вполне понятно, так как в условиях рыночных отношений, любой труд и затраченное время должны быть оплачены. В связи с этим считаем целесообразным законодательно закрепить гарантии для переводчика прежде всего в контексте своевременной оплаты его труда. Это важно, так как переводчик, выполняя правильный и полный перевод способствует реализации прав сторон исполнительного производства и содействует судебному приставу-исполнителю в осуществлении исполнительных действий и в силу этого права и законные интересы самого переводчика не должны нарушаться.

Следующим субъектом, содействующим исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе, являются понятые. При этом вопрос их участия урегулирован и регламентирован достаточно полно. Их присутствие обязательно при совершении целого ряда исполнительных действий и применении мер принудительного исполнения, таких как: вскрытие нежилых помещений, осмотр имущества должника, наложение ареста на имущество, изъятие и передача имущества и в других случаях, конкретизированных в ФЗ № 229. В иных случаях, приглашение понятых отдано на усмотрение судебного пристава-исполнителя. Эти требования изложены в статье 59 ФЗ № 229, в которой также определены требования к понятым: дееспособные граждане, достигшие восемнадцатилетнего возраста, не имеющие интереса в результатах

исполнительного производства, не состоящие в родстве или свойстве с лицами, участвующими в исполнительном производстве, не подчиненные и не подконтрольные указанным лицам. Понятых не может быть меньше двух [5, с. 27].

Содействие понятых принудительному исполнению состоит прежде всего в обеспечении дополнительных гарантий соблюдения и последующей защиты прав граждан, создающих условия для надлежащего осуществления мер принудительного исполнения, беспристрастности действий судебного пристава-исполнителя. Следует отметить, что в современный период, судебные приставы исполнители достаточно часто привлекают понятых по своему усмотрению, даже если в законе не указана обязательность их присутствия. Такая ситуация детерминирована стремлением судебных-приставов-исполнителей оградить себя от возможных провокаций при исполнении и в целях подтверждения беспристрастности своих действий.

Права и обязанности понятых установлены в статье 60 ФЗ № 229, где указано, что понятой удостоверяет своей подписью в акте исполнительного действия факт, содержание и результаты исполнительных действий, при которых он присутствовал. Ему должна быть предоставлена информация по поводу каких исполнительных действий он приглашается, на основании какого исполнительного документа эти действия совершаются. Также он вправе делать замечания по поводу совершенных действий, последние должны быть занесены в соответствующий акт. Понятому перед началом исполнительных действий должны быть разъяснены его права и обязанности. Это должен сделать судебный пристав-исполнитель.

Законодатель предусмотрел компенсацию расходов понятого, которые он понес в связи с исполнением своих обязанностей [3].

В современных условиях назрела необходимость изменения подхода к институту понятых. Это детерминировано активным использованием технических (цифровых) средств фиксации хода исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения. К числу недостатков участия понятых в исполнительных действиях, можно отнести трактовку части 5 статьи 59 ФЗ № 229, в котором законодатель говорит об их приглашении, уточним, не о вызове или возложении обязанности, а именно приглашении, которое предполагает, что лицо может отказаться от участия в исполнительных действиях в качестве понятого без объяснения причин, что и происходит на практике.

При этом механизмы влияния на лицо, отказавшееся быть понятым, законодатель не предусмотрел. Что касается обязательного участия понятых, то вместо того, чтобы начать скорейшее производство исполнительных действий, например по наложению ареста на имущество должника с применением технических (цифровых) средств фиксации, судебный пристав-исполнитель вынужден тратить время, зачастую длительное, на поиск понятых, а при условии, что такие граждане не будут найдены, исполнительное действие должно быть отложено, что не повышает эффективность исполнительного действия. Специалисты указывают и на такой негативный момент, что,

удостоверяя в соответствующем акте, законность исполнительных действий, понятой не имеет представления о действительном их содержании в силу своей некомпетентности. Соответственно данная функция действий понятого нивелируется. Отметим и такой момент, что при видеофиксации исполнительных действий без присутствия понятых отпадает необходимость компенсировать денежные средства, что позволяет экономить средства бюджета. Полагаем, что в современных условиях развития цифровых средств, целесообразно оставить институт понятых лишь в качестве альтернативы, которая возможна при отсутствии возможности использования технических средств фиксации по причине их неисправности, которые не могут быть устраниены на месте. При этом предлагаем, что при принятии судебным приставом-исполнителем решения о проведении исполнительных действий в присутствии понятых, должна быть предусмотрена санкция за отказ в их участии [7, с. 153].

Значимым лицом, оказывающим содействие в принудительном исполнении, является специалист – лицо, обладающее специальными знаниями и не заинтересованное в исходе исполнительного производства. К сожалению, в рамках данной статьи не представляется возможным подробно рассмотреть его положение в исполнительном производстве. Отметим лишь те сферы, где его участие наиболее востребовано при принудительном исполнении.

В самом общем виде специалиста можно определить как научно-технического помощника судебного пристава-исполнителя. Он отвечает на вопросы судебного пристава-исполнителя, консультирует его, составляет отчет или заключение, при необходимости оказывает научно-техническую помощь. К содействию в принудительном исполнении могут привлекаться специалисты в самых различных сферах: бухгалтера, оценщики имущества, педагоги, психологи, товароведы и др. При этом большинство авторов не пришли к единству мнений процессуальном статусе специалиста. Его права и обязанности изложены законодателем достаточно скучно и нуждаются в дополнительной законодательной регламентации.

Подводя итоги отметим, что в современной теории исполнительного производства отсутствуют четкие критерии определения лиц, содействующих совершению исполнительных действий и принудительному исполнению, что затрудняет деятельность таких субъектов на практике. Полагаем целесообразным доктринально и законодательно закрепить перечень этих лиц в отдельной статье Закона «Об исполнительном производстве» и детализировать их правовой статус в принудительном исполнении.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «Об исполнительном производстве» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.
2. Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3590.

3. Постановление Правительства РФ от 14.07.2008 N 516 (ред. от 21.05.2020) «О размерах компенсации расходов, понесенных понятым в связи с исполнением обязанностей понятого при совершении исполнительных действий и (или) применении мер принудительного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – N 29 (часть I). – Ст. 3514.

4. Гальперин М.Л. Исполнительное производство: учебник для бакалавриата и магистратуры. – М.: Юрайт, 2019. – 498 с.

5. Калашникова В. К вопросу о лицах, содействующих исполнительному производству // Евразийский Научный Журнал. – 2018. – № 5. – С. 26-32.

6. Плеханов В.П. Переводчик в исполнительном производстве // Аллея Науки. – 2017. – № 10.

7. Шаповал Л.А. К вопросу о субъектах исполнительного производства // Вестник молодого ученого Кузбасского института. Сборник научных статей. Новокузнецк, 2018. – С. 152-155.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ КАК СРЕДСТВО ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Карагичева Софья Александровна, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, E-mail: sophiakaragicheva@yandex.ru

Аннотация. Географические указания являются новым средством индивидуализации в гражданском законодательстве России. В данной статье исследуется соотношение географических указаний и наименований мест происхождения товаров, которые обладают определенным сходством, в связи с чем их использование может вызывать вопросы. В ходе исследования использовались диалектический и формально-юридический методы, а также совокупность логических методов познания. С учетом проведенного различия автором формулируются перспективы применения географических указаний, в том числе в Волгоградской области.

Abstract. Geographical indications are a new means of individualization in the civil legislation of Russia. This article examines the relationship between geographical indications and the appellation of origin that have a certain similarity, and therefore their use may raise questions. The study used dialectical and formal legal methods, as well as a set of logical methods of cognition. Taking into account the distinction made, the author formulates the prospects for the application of geographical indications, including in the Volgograd region.

Ключевые слова: географическое указание, исключительное право, наименование места происхождения товара, региональные бренды, средства индивидуализации.

Key words: geographical indication, exclusive right, appellation of origin, regional brands, means of individualization.

Средства индивидуализации пользуются высоким спросом в России. С их помощью конкретный производитель может выделить свои товары (услуги) из общей однородной массы и проводить целенаправленную рекламу для увеличения доли рынка. Следовательно, как справедливо отмечает А.В. Копьев, индивидуализация продукции является одним из основных направлений обеспечения ее конкурентоспособности [1, с. 121]. В 2020 году Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) пополнился новым средством индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий – географическими указаниями.

Ранее в ГК РФ было закреплено сходное, но не идентичное средство индивидуализации – наименование места происхождения товара (пп. 15 п. 1 ст. 1225 ГК РФ, далее также НМПТ). Следует отметить, что в современной правоприменительной практике термин «географические указания» признается более широким, поскольку включает в себя не только место происхождения, но и другие указания на регион происхождения товара. В качестве примера таких «других указаний» С.Ю. Фабричный и О.А. Рузакова приводят изображения

Новгородского кремля или Эйфелевой башни [2, с. 49]. В рамках дела № 1-14-10/00-08-18 ФАС России затрагивался вопрос об использовании на упаковках шоколада «BUCHERON» такого географического указания, как изображение швейцарского флага (на самом деле производство расположено на территории Ярославской области). Иначе говоря, НМПТ является одним из видов географических указаний.

Такая трактовка понятия «географические указания» легла в основу и нормативного определения, включенного в ст. 1516 ГК РФ: это обозначение, которое позволяет определить происхождение товара с территории конкретного географического объекта, с которым тесно связаны характеристики данного товара. Законодатель особо уточняет, что именно на этой географической территории должна проходить хотя бы одна стадия производственного процесса, которая оказывает непосредственное воздействие на характеристики товара.

В свою очередь под НМПТ понимается наименование географического объекта, которое стало известным в результате использования товара, чьи специальные свойства вытекают из природных или людских факторов, присущих этому объекту. Для предоставления правовой охраны наименованию места происхождения важно, чтобы весь производственный процесс, в результате которого товар приобретает свои специфические свойства, осуществлялся в пределах данного географического объекта. Иначе говоря, с помощью НМПТ можно индивидуализировать только те товары, которые целиком и полностью происходят из конкретного географического места.

На основе сравнения приведенных определений также можно сделать вывод, что географические указания являются более широким понятием. Для предоставления им правовой охраны не требуется, чтобы они получили известность в связи с конкретным товаром или весь производственный процесс был сконцентрирован на данной территории. Достаточно того, чтобы исследуемое обозначение позволяло идентифицировать географическую привязку товара, подтверждением чего выступает наличие любой стадии производства этого товара на данной территории.

Н.В. Федорова также обращает внимание на то, что для подачи документов на предоставление правовой охраны географическим указаниям нет необходимости запрашивать заключения каких-либо ведомств (как, например, для НМПТ) – достаточно всего лишь подтвердить сведения о характеристиках товара, вытекающих из места его происхождения. Т.е. процедура предоставления правовой охраны для географических указаний более простая, а также позволяет получить охрану всем производителям товара в определенной местности (по сравнению, например, с товарным знаком) [3, с. 65].

Отметим, что в качестве географического указания нельзя зарегистрировать такие обозначения, которые:

- широко употребляются в качестве обозначения определенного товара, но не связаны с производственным процессом;
- тождественны или сходны до степени смешения с ранее зарегистрированным товарным знаком;
- связаны с сортами растений или породами животных, если это может привести к заблуждению потребителей;

– уже зарегистрированы в качестве географического указания для аналогичного товара или могут ввести потребителя в заблуждение относительно товара или его изготовителя;

– связаны с товаром, не соответствующим требованиям закона (п. 2 ст. 1516 ГК РФ в новой редакции).

Общим и для НМПТ, и для географических указаний является наличие связи с конкретной территорией, откуда происходит товар. Географические указания выгодны и потребителям, и производителям: первые могут ориентироваться среди ряда сходных товаров, а вторые – эффективно рекламировать товар, выстраивать коллективные региональные бренды, в том числе повышая их капитализацию, ведь, как отмечает А.О. Иншакова, средства индивидуализации могут отчуждаться по договору [4, с. 26]. На это особо указано в п. 6 ст. 1519 ГК РФ.

Представляется, что развитие географических указаний как дополнительного средства индивидуализации товара является полезным для России, ведь в каждом субъекте Федерации можно найти продукцию, тесно связанную с определенной территорией. Речь идет о краснодарском чае, сахалинской икре и десятках других товаров. При этом географические указания могут быть связаны не только с товарами, но и с туристическими объектами. Например, для развития туризма в Волгоградской области можно использовать узнаваемое изображение статуи «Родина-Мать» на материалах, связанных с оказанием туристических услуг: этикетках, упаковках, объявлениях, рекламных плакатах, печатных изданиях, на выставках и ярмарках, в сети «Интернет» и т.д.

Предоставление правовой охраны географическим указаниям может поднять привлекательность региона в глазах других производителей, ведь у них появится возможность получить исключительное право на свою продукцию в более упрощенной форме (по сравнению с НМПТ и товарным знаком). Географическое указание, зарегистрированное как средство индивидуализации, позволит бороться с незаконной конкуренцией путем взыскания убытков (как прямого ущерба, так и упущенной выгоды) с тех лиц, которые используют не принадлежащее им географическое указание и получают выгоды от чужой репутации. Кроме того, географические указания обеспечат своим владельцам широкие возможности для рекламы регионального бренда, что привлечет дополнительное внимание потребителей.

Список использованной литературы:

1. Копьев А.В. Имя как средство индивидуализации товаров (работ, услуг) в предпринимательской деятельности // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16. – № 1. – С. 119-124.
2. Фабричный С.Ю., Рузакова О.А. Региональные бренды России: основные направления развития // Патенты и лицензии. – 2017. – № 5. – С. 46-53.
3. Федорова Н.В. Новый правовой институт «географические указания»: в чем отличия от наименований мест происхождения товаров // ИС. Авторское право и смежные права. – 2019. – № 9. – С. 59-66.
4. Иншакова А.О. Формы защиты интеллектуальной собственности в обновленном гражданском законодательстве РФ // Власть Закона. – 2015. – № 2. – С. 19-31.

УДК 347.77

ДОПОЛНЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Карагичева Софья Александровна, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, E-mail: sophiakaragicheva@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы правовой охраны дополненной реальности как сравнительно нового объекта интеллектуальной собственности. Данные проблемы связаны с комплексным характером исследуемых технологий, в связи с чем целью законодателя должен стать выбор оптимальной модели правового регулирования дополненной реальности. В ходе исследования автором использовались диалектический и другие общенаучные методы исследования, а также формально-юридический метод. В результате делается вывод о том, что технологии дополненной реальности должны получить статус самостоятельного объекта правовой охраны.

Abstract. The author of the article considers the problems of legal protection of augmented reality as a relatively new object of intellectual property. These problems are related to the complex nature of these technologies, and therefore the goal of the legislator should be to choose the optimal model of legal regulation of augmented reality. In the course of the research, the author used dialectical and other general scientific research methods, as well as the formal legal method. As a result, it is concluded that augmented reality technologies should receive the status of an independent object of legal protection.

Ключевые слова: авторские права, дополненная реальность, интеллектуальная собственность, цифровые права, цифровые технологии.

Key words: copyrights, augmented reality, intellectual property, digital rights, digital technologies.

Современный этап развития общества характеризуется возрастающей ролью информационных технологий, которые постепенно становятся системообразующим фактором. Как обоснованно пишет А.О. Иншакова, правовое регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности на информационные технологии в настоящее время становится все более актуальным как на теоретическом уровне, так и в юридической практике [1, с. 6]. Одной из новых технологий, которая приобретает все большую популярность в современном мире, является дополненная реальность. В связи с высокой динамикой ее развития необходимо отметить, что она нуждается в более эффективной правовой охране, чем может предоставить современный уровень развития права интеллектуальной собственности.

Дополненная реальность (англ. augmented reality) обычно определяется в науке как «технология наложения информации в форме текста, графики, аудио и других виртуальных объектов на реальные объекты в режиме реального

времени» [2, с. 479]. Иначе говоря, данная технология дополняет реальную окружающую среду виртуальными объектами, взаимодействующими с реальным миром только в сознании тех пользователей, которые используют технологию дополненной реальности. Функции программы или устройства дополненной реальности могут быть как познавательными (например, предоставлять справочную информацию о разных объектах), так и игровыми.

В качестве примеров первой функции можно назвать систему «Word Lens», которая позволяет просканировать надпись на иностранном языке через камеру смартфона и отображает рядом перевод без подключения к Интернету, или технологию «Visual time machine», которая помогает просмотреть историю культурных объектов и увидеть, как они выглядели в прошлом, или гибридную модель искусственного зрения «NASA X-38», которая обеспечивает улучшенную навигацию для космических аппаратов в условиях ограниченной видимости (путем наложения виртуальной карты на реальные объекты).

Пример второй функции можно найти в южнокорейском сериале «Воспоминания об Альгамбре», где основой сюжета является следующая идея: люди путем простой регистрации на сервере компьютерной игры получают доступ в дополненную реальность на улицах испанского города Гранада (встречаются и взаимодействуют с виртуальными персонажами, которых не могут видеть не-игроки, дерутся на дуэлях виртуальным оружием с другими игроками, могут виртуально получить справочную информацию об объектах реального мира и пр.). Пример из реального мира – это нашумевшая игра Pokemon Go, в которой пользователи видят на улицах, площадях и т.д. через экраны смартфонов не существующие на самом деле объекты (покемонов) и могут с ними виртуально взаимодействовать (поймать или уничтожить).

Сущностью технологий дополненной реальности выступает программное обеспечение, без которого дополнение реального мира виртуальными объектами невозможно. Поэтому с точки зрения действующего российского законодательства дополненную реальность следует отнести к категории программ для ЭВМ (ст. 1261 ГК РФ).

Программа для ЭВМ представляет собой совокупность команд и данных, которые предназначены для функционирования ЭВМ и иных компьютерных устройств. Программа для ЭВМ является объектом авторских прав. В первую очередь необходимо отметить, что единственным условием охраноспособности программы для ЭВМ является творческий характер деятельности автора при ее создании, поскольку исключительно техническая, нетворческая работа не повлечет создания объекта авторского права. Исследователи также отмечают применение судами в отдельных случаях таких критериев охраноспособности программы для ЭВМ, как оригинальность и новизна произведения [3].

На каждую программу для ЭВМ, которая выражена в объективной форме, вне зависимости от какого-либо материального носителя, распространяется право авторства. Форма закрепления не играет какой-либо значимой роли: программа подлежит охране как в электронном виде, так и на бумажном носителе (в случае записи ее кода). Соответственно, с авторскими правами на

программу для ЭВМ не связано право собственности на материальный носитель. Программа для ЭВМ должна выполнять определенное назначение – обеспечивать функционирование компьютерных устройств с целью получения конкретного результата.

Защите объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет уделяется особое внимание [4]. Программа для ЭВМ подлежит охране с самого момента ее создания. Охрана не предоставляется программе, создание которой по законодательству России является преступлением и может причинить вред обществу, государству или конкретному индивиду, даже если такая программа ни разу не была использована. В УК РФ закреплены два конструктивных признака противоправности программы для ЭВМ: несанкционированность и заведомость действия программы. Несанкционированность означает направленность на достижение результата без разрешения владельца ЭВМ или другого законного пользователя, а заведомость – это сложившееся на основании известных объективных признаков убеждение в определенном характере действия программы. Возможность причинения вреда определяется по способу использования программы, а не по целевому назначению.

Для осуществления и возникновения права на авторство не требуется регистрации произведения, соблюдения каких-либо формальностей или другого специального оформления произведения. При этом нужно помнить, что программы для ЭВМ имеют одну интересную особенность по сравнению с иными объектами авторского права: автор вправе по своему желанию зарегистрировать программу для ЭВМ в Роспатенте.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на тот факт, что помимо программного обеспечения в технологиях дополненной реальности используются изображения, видео, музыкальные и иные произведения, что указывает на сложный характер данных технологий. Нередко в рассматриваемых технологиях применяются базы данных (п. 2 ст. 1260 ГК РФ). Например, в уже упомянутой игре Pokemon Go используются базы данных с картами. Это позволяет расценивать дополненную реальность как сложный объект интеллектуальной собственности, который нуждается в самостоятельной правовой охране.

Таким образом, исходной точкой для предоставления правовой охраны технологиям дополненной реальности выступает режим охраны, предоставляемый программам для ЭВМ. Отметим, что режим охраны программ для ЭВМ, установленный нормами ГК РФ, в целом соответствует международным нормам (ст. 4 Договора ВОИС по авторскому праву 1996 г., п. 1 ст. 10 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994 г.). Однако представляется, что назрела необходимость в законодательном выделении технологий дополненной реальности в качестве самостоятельного объекта правовой охраны.

Список использованной литературы:

1. Иншакова А.О. Реакция права на вызовы высоких технологий в инновационной России // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2018. – Т. 17. – № 4. – С. 6-15.
2. Яковлев Б.С., Пустов С.И. История, особенности и перспективы технологии дополненной реальности // Известия ТулГУ. Технические науки. – 2013. – № 3. – С. 479-484.
3. Кащанин А.В. Актуальные требования к творческому характеру произведений в российской доктрине и судебной практике // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 8. – С. 50-59.
4. Копьев А.В. Защита объектов интеллектуальной собственности в телекоммуникационных сетях // Актуальные проблемы частного и публичного права: материалы межрегиональной науч.-практ. конф. / Редкол.: П.М. Филиппов [и др.]. – Вып. 3. – Волгоград: ВА МВД России, 2014. – С. 32-36.

**ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ:
ПАТЕНТ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ**

*Ким Ирина Эдуардовна,
Волгоградский государственный
университет, г. Волгоград*

E-mail: ikskarr@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается экономическое значение интеллектуальной собственности как правоотношение по присвоению и отчуждению объекта собственности. Целью является изучение роли и места интеллектуальной собственности в инновационной экономике. Осуществлен анализ аспектов по обозначению категории понятия «интеллектуальная собственность» и «патент», исследованы их особенности и уточнены их сущности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, инновации, инновационная экономика, результаты интеллектуальной деятельности, патент, патентное право.

Abstract. The article deals with the economic importance of intellectual property as a legal relationship for the appropriation and alienation of the object of property. The aim is to study the role and place of intellectual property in the innovation economy. The analysis of aspects on the designation of the category of the concept of "intellectual property" and "patent" was carried out, their features were investigated and their essence was clarified.

Key words: intellectual property, innovation, innovation economy, results of intellectual activity, patent, patent law.

Среди научных исследователей до сих пор нет единой позиции относительно определения инновационной экономики. Инновационная экономика – это практическое использование результатов экономики инноваций [1]. Это экономика, основанная на беспеременной инновационном, технологическом совершенствовании.

Каждая продукция, сделанная обычным работником, будет являться результатом интеллектуальной собственности. Такими результатами будут выступать оригинальные технические, технологические решения, которые будут приводить к появлению особых свойств, обладающих высоким спросом среди потребителей той или иной категории продукции.

Все сведения о приемах создания, конструкции и свойствах и выступает в качестве информации, охраняемой интеллектуальной собственностью.

Таким образом, интеллектуальная собственность обладает таким свойством как потребительское, а именно способностью умножать прибыль с помощью новых знаний, позволяющих создать конкурентоспособную продукцию.

Так, интеллектуальная собственность является основным элементом инновационной экономики.

Г.М. Бровка не без оснований указывает, что «инновационная экономика предполагает избыточное количество своей продукции: избыток знаний, идей, разработок, патентов, высоких технологий, компаний, предпринимателей, ученых, инфраструктур и т.д.» [2].

В обществе продолжает формироваться инновационная культура на основе совокупности жизненных устоев и ценностей, которые долгие века складывались в сознании людей. Появление такой инновационной культуры связывает с заинтересованностью общества в инновационных процессах, которые ориентированы как на всю массу потребителей, так и на отдельные группы. Специфика такой культуры зависит от экономики конкретной страны, где она формируется. Так, выделяет институт «доверия», которые отражает возможность передачи информации и знаний от одних субъектов гражданских правоотношений к другим. Высокая степень доверия должно способствовать снижению трансанкционных издержек.

Так, например, с 01.08.2013 года были внесены поправки в закон от 27.06.2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также в часть IV Гражданского кодекса РФ. Нововведением стал «информационный посредник», который будет нести ответственность за нарушение исключительных прав правообладателя фильмов, а также предусматривается возможность и порядок применения предварительных обеспечительных мер исключительных прав на фильмы, в том числе кинофильмы, телефильмы, в информационно-телекоммуникационных [3]. Таким образом, законодательство в сфере интеллектуальной собственности и его защиты не стоит на месте.

Интеллектуальная собственность защищается различными способами. Одним из наиболее интересных способов является патент.

Следует разделять понятие «изобретение» и «инновация». Изобретение является техническим решением в определенной области, может также выступать в качестве инновационной идеи, опытного образца или рабочей модели. Инновацией же является совершенствование продукции до пригодного для реализации состояния. В настоящее время инновациями являются сложные объекты, основанные на нескольких ранее запатентованных изобретений. Права на эти изобретения могут даже принадлежать разным патентообладателям [4].

Патент позволяет изобретателю в течение определенного промежутка времени ограничивать всех 3-х лиц без его разрешения в использовании, изготовлении, продаже и даже предложении реализации.

Для того, чтобы получить патентную охрану изобретение должно соответствовать следующим требованиям:

1. Содержать патентоспособный объект;
2. Иметь свойство новизны, то есть является новым;

3. Иметь определенный изобретательский уровень, то есть быть неочевидным;

4. Может промышленно применяться, соответствуя требованию полезности.

Изобретатель описывает свое изобретение в патентной документации, которая находится в публичном доступе.

Патент также называют «общественным договором» между изобретателем и всеми 3-ми лицами. Если лицо не хочет разглашать какие-либо сведения об инновациях, то такая информация подлежит особой охране и именуется «ноухау» или «коммерческой тайной».

Однако есть особенности относительно территории действия патентных прав. Так, патент будет действовать на территории, где он был получен, например, получение патента в другой стране будет осуществляться на основе национальной или международной заявки, патентные права будут защищать только в пределах страны, где была принята заявка.

Российская Федерация является членом Евразийской патентной конвенции и может испрашивать патентную охрану на территории всех или нескольких стран-участниц конвенции [5].

Изобретатели нередко сталкиваются определенными потенциальными рисками, которые связаны с защитой их прав на интеллектуальную собственность.

Процесс патентообразования в Российской Федерации не является совершенным.

Так, субъекты патентооборота могут столкнуться с низким уровнем защиты их технологий и изобретений из-за недостаточного описания новации, формул и иных составляющих, которые указываются в заявке на патент. Поздняя подача заявки на патент может привести к ситуации, когда конкуренты зарегистрируют изобретение раньше. Ведь в Российской Федерации патентование осуществляется по принципу «первый, подавший заявку».

В США и Канаде предлагают следующее решение этой проблемы: введение предварительных заявок на патент. Для полной выработки описания и совершенствования технологии изобретателям дается год отсрочки перед выдачей патента, но при этом третьи лица уже не могут воспользоваться их инновацией, зарегистрировав аналогичную технологию. В предварительную заявку нельзя вносить изменения.

Также в России существует риск признания патента недействительным полностью или частично во время действия патента.

Заблуждением является то, что патент защитит интеллектуальные права от любых посягательств. Следует помнить, что всегда есть риск легальной или же нелегальной имитации запатентованных инноваций. Это связано с трудность контроля нелегальных использований третьими лицами. Так, патентообладатель должен сам отслеживать такое неправомерное использование.

Законодатели отдельных стран предусматривают «льготный» период с даты раскрытия заявителем сущности изобретения до подачи заявки, в течение которого изобретение сохраняет патентоспособность, несмотря на его раскрытие [6].

Таким образом, при совершенствовании инновационной экономики уровень развития государства будет находиться в зависимости от скорости реализации инновационных процессов и их преобразования в объекты общественного спроса. Совершенствование способов защиты интеллектуальной собственности должны способствовать инновационному пути развития Российской Федерации в экономической сфере. Исключительные права, которые предоставляются патентом, дают патентообладателю способность ограничивать третьих лиц в производстве продукции и использовании способов применения, которые были запатентованы ранее. Патентообладатель может требовать возмещения ущерба, который был причинен таким неправомерным использованием.

Список использованной литературы:

1. Копьёв А.В. Информационный посредник как субъект гражданско-правовой ответственности / А.В. Копьёв // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2013. – № 3. – С. 73-78.
2. Бровка Г.М. Инновационная экономика и национальная безопасность: анализ формулировок и теоретическое обеспечение / Г.М. Бровка. – Кишинев, 2016. – С. 9-33.
3. Куреян С.В., Елкина О.С., Елкин С.Е. Инновационная экономика и экономика инноваций // Экономическая наука сегодня. – 2018. – №8. – С. 100-107.
4. Фоменко В.А. Патентование как способ охраны интеллектуальной собственности и его роль в инновационной деятельности / В.А. Фоменко // Молодой ученый. – 2013. – № 3 (50). – С. 284-288.
5. Инструкция к Договору о патентной кооперации (РСТ) // Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wipo.int/export/sites/www/pct/ru/texts/pdf/pct_regs.pdf (дата обращения: 14.10.2021)
6. Как получить Европейский патент // Сайт патентного бюро «ПАТИКА» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.patika.ru/doc/Kak_poluchit_evropeyskiy_patent.pdf (дата обращения: 15.10.2021)

УДК 347

УНИТАРНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК СУБЪЕКТЫ ПРАВА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ВЕДЕНИЯ

Ким Ирина Эдуардовна,
Волгоградский государственный
университет, г. Волгоград

E-mail: ikskarr@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается гражданско-правовое значение права хозяйственного ведения. Целью является изучение роли и места унитарного предприятия в процессе реализации своих прав хозяйственного ведения. Был осуществлен анализ аспектов, приводящих к нарушению реализации собственности на праве хозяйственного ведения унитарными предприятиями.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, унитарные предприятия, государственная собственность, муниципальная собственность, право хозяйственного ведения.

Abstract. The article discusses the civil-law value of the right of economic management. The aim is to study the role and place of unitary enterprise in the process of exercising the right of economic management. The analysis of the aspects that lead to a violation of the disposition of property on the right of economic management unitary enterprise.

Key words: entrepreneurial activity, unitary enterprises, state property, municipal property, right of economic management.

Особое место среди субъектов предпринимательской деятельности унитарные предприятия. Хоть и происходит приватизация муниципальных и государственных предприятий, но их роль в экономике страны еще играет значительную роль. В практической сфере наиболее часто возникает вопрос о том, как право хозяйственного ведения, предназначение которого заключается в оказании содействия собственникам в формировании и реализации общественно-полезных целей может сохранить баланс государственных и частных интересов, а также о необходимости дальнейшего существования права хозяйственного ведения, как разновидности ограниченных вещных прав.

Право хозяйственного ведения выступает в качестве одной из разновидностей вещных прав, обладающих ограниченным характером, связанным с лишением самостоятельности в вопросах распоряжения имуществом, выступающим главным элементом права собственности.

Нельзя не согласиться с мнением Лесковой Ю.Г. о том, что передача юридическому лицу права хозяйственного ведения, а также передача ему имущества, выступают лишь приемом реализации права собственности, а не формой имущественного участия в праве собственности другого лица [1].

Согласно мнению Соловьева В.Н., право хозяйственного ведения невозможно считать вещным правом, обладающим ограниченным характером в силу наличия вещно-правовой сущности имущественного обособления субъекта права, принимая во внимание возможность владения переданным имуществом как принадлежащим на праве собственности. Отечественные нормы закрепляют, что право хозяйственного ведения позволяют юридическим лицам, а именно унитарным предприятиям, не являющимся собственниками, возможность по участию в гражданском обороте.

Сущность правового статуса права хозяйственного ведения закрепляется в статье 294 Гражданского кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой субъекты, обладающие имуществом на праве хозяйственного ведения, имеют возможность осуществлять все три права собственности.

Данные права выступают производными от права собственности, но не равнозначны им, то есть обладают ограниченным характером, что нашло свое отражение в указанной выше статье Гражданского кодекса РФ.

Реализация собственником правомочий находится в зависимости от существования унитарного предприятия, с прекращением, отчуждением или ликвидацией которого прекращаются и права собственника имущества.

Правовая сущность права хозяйственного ведения отражена и проявляется в указаниях о его следовании за объектом, вне зависимости от изменения субъективного состава собственности, согласно п. 1 ст. 300 ГК РФ.

В свою очередь, в ст. 295 ГК содержится круг ограничений, которые налагаются на субъектов, в частности, они не имеют права на продажу, сдачу в аренду, залог, и иного вида распоряжения данным имуществом в отсутствие согласия собственника.

Право хозяйственного ведения реализуется в качестве прав владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, которое принадлежит собственнику в тех пределах, которые установлены ГК РФ.

Право на имущество, которое передается унитарному предприятию на праве хозяйственного ведения, будет возникать с момента, когда произошла фактическая передача имущества, если иной порядок не определен ФЗ или решением самого собственника имущества.

Право хозяйственного ведения определяется с учетом правовых норм ст. 295, 299 Гражданского кодекса, в соответствии с которыми установлен круг правомочий собственника в отношении имущества, полученного им на праве хозяйственного ведения. В отличие от частного собственника, у государственного отсутствует обязанность по использованию земли [2].

Между унитарным предприятием и собственником имущества существуют правоотношения, складывающиеся в связи с консолидацией имущества на праве хозяйственного ведения.

Правомочия собственника в указанной ситуации обладают характером взаимности с правами титульного владельца, а унитарное предприятие, выступающее в качестве субъекта вещного права, обладает защитой от действий третьих лиц.

Реализация собственником правомочий находится в зависимости от существования унитарного предприятия, с прекращением, отчуждением или ликвидацией которого прекращаются и права собственника имущества.

Познание правовой природы права хозяйственного невозможно без исследования субъектов, наделенных указанным правом.

В нормах действующего законодательства закреплено, что в качестве субъектов прав хозяйственного ведения вправе выступать лишь юридические лица, и только в установленных организационно-правовых формах, то есть, «унитарные предприятия», которые представляют собой, в соответствии с п.1, 2 ст.113 ГК РФ коммерческие организации, создание которых осуществляется на основе государственной и муниципальной собственности [3].

Отличительным признаком указанных субъектов от иных видов коммерческих организаций выступает их специальная правосубъектность. Так, учредительные документы рассматриваемых субъектов обязательно содержат данные о целях и предмете их деятельности.

Следует обратить внимание на тот факт, разрешительный порядок используется при регистрация рассматриваемых предприятий.. Такой порядок выступает в виде исключения из обычного порядка, которые предусмотрены в области регистрации юридических лиц.

Учредителем этих предприятий становится Российская Федерация или МСУ, реализуя деятельность через свои уполномоченные органы.

Унитарное предприятие создается по решению уполномоченного на это государственного органа или органа МСУ [4]. Учредительным документом является Устав. В пример можно привести создание АО «Почта России». Так, в 2002 году по распоряжению Правительства РФ было создано государственное унитарное предприятие «Почта России», действующего на основе Устава АО «Почта России».

Уставный фонд будет сформированным с момента зачисления денежных сумм на счет в банке, открываемый в этих целях, или с момента передачи в закрепленном порядке предприятию другого имущества, закрепляемого за предприятиями на праве хозяйственного ведения, в полном объеме.

Перед обязательной государственной регистрацией собственник должен полностью оплатить уставной фонд. Следует отметить, что при такой форме осуществления прав собственности собственник передаваемого унитарному предприятию имущества не будет отвечать по каким-либо иным обязательствам такого предприятия.

Устав должен включать в себя, кроме информации о наименовании и местонахождении, информацию о предмете осуществляющей деятельности и ее, а также о размере формируемого уставного фонда, его источниках и порядке создания [5].

Когда имущество передается предприятию, то оно выбывает из фактического обладания собственника. Таким имуществом они отвечают только по своим собственным долгам.

Таким образом, исследование субъектов, обладающих правом хозяйственного ведения дает возможность сделать вывод о том, что законодатель наделяет унитарные предприятия, которые получили имущество на праве хозяйственного ведения вещным правом, вместе с правом собственности и получает возможность реализовать указанное право в процессе осуществляющей ими деятельности.

Однако следует помнить, что за все время реализации права хозяйственного ведения в условиях развития рыночной экономики оно изжило себя, сделав себя лишь способом распоряжения имуществом собственника. Часто в нарушение норм законодательства рассматриваемое имущество просто закрепляется за предприятием, которое уже его реализует в виде продажи, ограничивая других субъектов в потенциальном преимуществе в приобретении. право хозяйственного ведения представляет собой особую разновидность вещных прав, противоречащих правовым основам развитых государств, в силу чего, указанный механизм нуждается в дальнейшей трансформации и совершенствовании.

Список использованной литературы:

1. Лескова Ю.Г. Учреждение как субъект гражданского права: отношения с собственником / Ю.Г. Лескова // Юрист. – 2018. – № 12. – С. 35-36.
2. Объекты гражданских прав: учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / А.И. Гончаров [и др.]; под редакцией А.И. Гончарова, А.О. Иншаковой. – М.: Юрайт, 2019; Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета. – 566 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/444862> (дата обращения: 17.10.2021)
3. Ахметьянова З.А. Вещное право: учебник / З.А. Ахметьянова. – М.: Статут, 2017. – 247 с.
4. Зайцев О.В. Вещные и обязательные отношения в контексте реформы гражданского права / О.В. Зайцев // Право и экономика. – 2018. – № 12 (358). – С. 16-20.
5. Российская Федерация. Федеральный закон «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» от 14.11.2002 № 161-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.10.2021)

УДК 347.9

ОПЕКА И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО В ДНР

Кинаш Ярослав Иванович,
Иванова Вероника Александровна,
Селищева Юлия Дмитриевна,
Донбасская аграрная
академия, г. Макеевка

E-mail: yamudriy@bk.ru

Аннотация. В настоящей статье, на основании семейного законодательства Донецкой Народной Республики (ДНР), анализируются различные понятия опеки и попечительства над несовершеннолетними детьми, показана необходимость определения данного правового института как комплексного и межотраслевого что обусловлено социальными, правотворческими, правоприменильными факторами.

Abstract. In this article, on the basis of the family legislation of the Donetsk People's Republic (DPR), various concepts of custody and guardianship of minor children are analyzed, the need to define this legal institution as a complex and intersectoral one is shown, which is due to social, law-making, law enforcement factors.

Ключевые слова: дети-сироты, опека, опекуны, попечители, попечительство, родители, семейно-правовых.

Key words: orphans, guardianship, guardians, trustees, guardianship, parents, family law.

Становление Донецкой Народной Республики как независимого правового государства с рыночной экономикой является тяжелым испытанием для многих членов общества, особенно социально незащищенных категорий, таких как детей. Поэтому перед государством и обществом актуализировались задачи их социальной защиты.

Опека и попечительство требует дальнейшего научного анализа результатов внедрения семейно-правовых форм опеки с целью их оптимизации и приближения к реалиям современного общества.

На территории Донецкой Народной Республики проживает 3685 детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения. Из общей численности детей данной категории под опекой и попечительством граждан находится 3017 (82%) детей. Из них, 2668 (89%) детей, которые находятся в семейных, родственных отношениях с опекунами, попечителями [1].

В ст. 3 Конституции ДНР предусмотрено, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность ДНР, ее государственных органов и должностных лиц» [2].

Семейный кодекс ДНР Семейный кодекс Донецкой Народной Республики, принят Постановлением Народного Совета 17 июля 2020 года закрепил

положения [3], содержащиеся в принципе 2 Декларации прав ребенка, принятой 20.11.1959 г., по охране прав ребенка, где записано: «Ребенку законом или другими средствами должна быть обеспечена социальная защита и предоставлены возможности и благоприятные условия, которые позволяли бы ему развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и в социальном отношении здоровым и нормальным в условиях свободы и достоинства. Выдавая с этой целью законы, главным соображением должно быть наилучшее обеспечение интересов ребенка» [4].

Действующим Законом ДНР «Об опеке и попечительстве» в статье 4 предусмотрено, что задачами государственного регулирования деятельности по опеке и попечительству являются: 1) обеспечение своевременного выявления лиц, нуждающихся в установлении над ними опеки или попечительства, и их устройства; 2) защита прав и законных интересов подопечных; 3) обеспечение достойного уровня жизни подопечных; 4) обеспечение исполнения опекунами, попечителями и органами опеки и попечительства возложенных на них полномочий; 5) обеспечение государственной поддержки физических лиц и юридических лиц, органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, осуществляющих деятельность по защите прав и законных интересов подопечных, и стимулирование такой деятельности [5].

В разделе VI Семейного кодекса ДНР «Формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей» статьями 122-157 определены различные формы социальной заботы о детях, оставшихся без родительской опеки. Это усыновление, опека и попечительство, устройства детей на воспитание в семье граждан (патронат), создание приемных семей и детских домов семейного типа, устройства детей в дома ребенка, детские дома, школы-интернаты на полное государственное содержание. Основной целью деятельности всех форм устройства детей является создание их воспитанникам необходимых условий для всестороннего и гармоничного развития, подготовки для самостоятельной жизни и труду.

Статьями 147-150 Семейного кодекса ДНР осуществляется правовое регулирование опеки и попечительства. Правовые нормы СК ДНР по вопросам опеки и попечительства системно согласованы с соответствующими положениями Гражданского кодекса ДНР.

Опека и попечительство как вид социальной заботы представляет собой универсальную форму индивидуального временного устройства, которая: регулируется нормами различной отраслевой принадлежности; предназначена для восполнения недостающей дееспособности подопечного лица, а также в необходимых случаях для обеспечения других интересов (например, дополнительная цель опеки над детьми – их воспитание); заключается в выполнении опекуном (попечителем) юридических или (и) фактических действий в интересах подопечного; выполняет общегосударственные задачи, поэтому ее установка и надлежащее осуществление должны обеспечиваться организационной и контрольной деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления.

Видом социальной заботы является опека (попечительство) над детьми, как форма удачного решения проблем устройства малолетних и

несовершеннолетних, обеспечения их надлежащими условиями жизни, питания, образования, воспитания. Эта форма попечительства над детьми является одним из традиционных институтов обеспечения гарантированных государством конституционных прав граждан на защиту их законных интересов.

Согласно части 2 статьи 147 СК ДНР опека устанавливается над детьми, не достигшими возраста 14 лет. Попечительство устанавливается над детьми в возрасте от 14 до 18 лет.

Отношения, возникающие в связи с установлением, осуществлением и прекращением опеки и попечительства над детьми, оставшимися без попечения родителей, регулируются Гражданским кодексом Донецкой Народной Республики, законом об опеке и попечительстве и принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы семейного права.

В статье 148 СК ДНР изложено, что опекунами или попечителями детей могут назначаться только совершеннолетние дееспособные лица. Следует отметить, что при назначении ребенку опекуна (попечителя) учитываются нравственные и иные личные качества опекуна (попечителя), способность его к выполнению обязанностей опекуна (попечителя), отношения между опекуном (попечителем) и ребенком, отношение к ребенку членов семьи опекуна (попечителя), а также, если это возможно, желание самого ребенка [3].

Для оформления опеки необходимо подготовить следующие документы: заявление; паспорт; краткая автобиография; справка с места работы с указанием должности и средней заработной платы за последние 12 месяцев (или справка с места работы супруга/супруги); заключение о результатах медицинского освидетельствования; копия свидетельства о браке; документы, подтверждающие родство (для близких родственников); письменное согласие других совершеннолетних членов семьи (с учетом мнения детей старше 10 лет) принять в семью ребенка (если опека устанавливается над ребенком); копия свидетельства о прохождении психолого-педагогической подготовки (если опека устанавливается над ребенком).

Срок действия справки с места работы – 1 года. Срок действия заключения о результатах медицинского обследования – 3 месяца.

Копия свидетельства о прохождении психолого-педагогической подготовки не требуется, если оформление опекунства осуществляет близкий родственник подопечного или лицо, являющееся ранее или на момент обращения усыновителем, опекуном или попечителем.

Заключение о результатах медицинского освидетельствования можно получить в любом медицинском учреждении, имеющем лицензию на осуществление медицинской деятельности, предусматривающей медицинское освидетельствование кандидатов в усыновители, опекуны (попечители) или приемные родители.

В течение 7 дней с даты подачи документов орган опеки и попечительства проводит обследование условий жизни заявителя на роль опекуна и составляет соответствующий акт. Решение о назначении опекуна принимается в течение 15 дней с даты подачи документов и оформляется в форме акта.

Права и обязанности опекуна относительно представительства и защиты прав подопечного возникают с даты принятия акта органом опеки и попечительства. Если опека происходит по договору, право на вознаграждение возникает у опекуна с даты его подписания.

В акте о назначении опекуна может быть прописан срок действия его полномочий.

Обязанности опекуна выполняются безвозмездно. В отдельных случаях в интересах подопечного орган опеки и попечительства может заключить с опекуном/попечителем договор. В этом случае вознаграждение выплачивается за счет: доходов от имущества подопечного; средств от третьих лиц; средств из бюджета субъекта ДНР.

По просьбе опекуна/попечителя вместо оплаты органом опеки и попечительства ему может быть разрешено безвозмездное использование имущества подопечного в своих интересах. В этом случае в договоре прописывается состав имущества и срок пользования им.

Если недееспособному лицу или ребенку, отобранныму у неблагополучных родителей, в срочном порядке необходим опекун, орган опеки и попечительства может принять акт о временном назначении опекуна.

Срок его действия составляет 6 месяцев – за это время необходимо оформить опеку в общем порядке. В исключительных случаях действие временной опеки может быть увеличено до 8 месяцев.

Для реализации возложенных задач и функций территориальные отделы ЗАГС осуществляют тесное сотрудничество с исполнительными органами государственной власти, органами местного самоуправления ДНР.

Одним из таких органов являются органы опеки и попечительства, которые, в соответствии с законодательством, осуществляют деятельность по предоставлению статуса ребенку-сироте и ребенку, лишенному родительского попечения, устройству детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения, установления опеки и попечительства над детьми-сиротами и детьми, лишенными родительского попечения, по защите личных, имущественных и жилищных прав детей.

Непосредственное ведение дел и координация деятельности относительно прав детей, в частности детей-сирот, лишенных родительского попечения, возлагаются на службы по делам детей.

Взаимодействие органов ЗАГС и органов опеки и попечительства осуществляется разными способами.

Так, с целью социальной защиты детей, оказавшихся в сложных жизненных обстоятельствах, ребенка-сироты, ребенка, лишнего родительской опеки, органы опеки и попечительства имеют право на получение повторных свидетельств о государственной регистрации акта гражданского состояния. Свидетельство о государственной регистрации акта гражданского состояния выдается представителям указанных организаций на основании доверенности учреждения и при предъявлении документов, удостоверяющих их личность. Отделы по делам семьи и детей, осуществляющие полномочия по опеке и попечительству и комиссии по вопросам защиты семьи и ребенка, освобождаются от уплаты республиканской пошлины.

Кроме того, отдел ЗАГС обязан известить орган опеки и попечительства: - когда при государственной регистрации смерти станет известно о детях, оставшихся без родительского попечения; - когда при государственной регистрации рождения ребенка, родители которого не состоят между собой в браке, и лицо, признавшее себя отцом ребенка, является несовершеннолетним.

В определенных законодательством случаях для осуществления юридических действий в органах ЗАГС необходим распорядительный акт органа опеки и попечительства.

Так, государственная регистрация рождения найденного (подкинутого) ребенка производится органом государственной регистрации актов гражданского состояния по письменному заявлению представителя органа опеки и попечительства при предоставлении распорядительного акта органа опеки и попечительства о государственной регистрации рождения ребенка, а также заключения судебно-медицинской экспертизы о возрасте найденного (подкинутого) ребенка.

При разных фамилиях родителей ребенку присваивается фамилия отца или матери или двойная фамилия, образованная путем соединения их фамилий. При отсутствии согласия ребенку присваивается фамилия на основании распорядительного акта органа опеки и попечительства или вступившего в законную силу судебного решения.

Распорядительный акт органа опеки и попечительства является основанием для изменения фамилии и (или) собственного имени ребенка и внесения изменений в запись акта о рождении.

В случае смерти матери ребенка, признания недееспособной, невозможности установления местонахождения, лишения ее родительских прав, или если мать ребенка не проживает с ребенком не менее шести месяцев и не проявляет материнской заботы, запись об отце ребенка может быть проведена на основании заявления отца ребенка об установлении отцовства при условии, что регистрация рождения ребенка проведена по заявлению матери ребенка (заявителя) о государственной регистрации рождения. Такое заявление подается отцом ребенка в орган государственной регистрации актов гражданского состояния с согласия органа опеки и попечительства, оформленное распорядительным актом органа опеки и попечительства, при отсутствии согласия - на основании вступившего в законную силу судебного решения.

Кроме того, начальник территориального отдела ЗАГС, как правило, входит на общественных началах в состав Комиссии по вопросам защиты прав ребенка, основными задачами которой являются обеспечение реализации прав детей на жизнь, охрану здоровья, образование, социальную защиту, семейное воспитание и всестороннее развитие.

Таким образом, тесное, плодотворное сотрудничество органов ЗАГС с органами опеки и попечительства позволяет решать вопросы защиты прав и законных интересов граждан, а именно детей, детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения, на высоком профессиональном уровне.

Список использованной литературы:

1. Опека и попечительство на территории Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mtspdnr.ru/index.php/8-frontpage/2377-opeka-i-popechitelstvo-yavlyayutsya-traditsionnoj-formoj-semejnogo-vospitaniya-detej-sirot-i-detej-lishennykh-roditskogo-popecheniya-na-territorii-donetskoj-narodnoj-respubliki> (дата обращения: 15.10.2021)
2. Конституция ДНР от 14.05.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/> (дата обращения: 25.10.2021)
3. Семейный Кодекс Донецкой Народной Республики Принят Постановлением Народного Совета 17 июля 2020 года (с изменениями, внесенными законами от 26.03.2021 № 268-ПНС, от 04.06.2021 № 293-ПНС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://npa.dnronline.su/2020-07-30/semejnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki.html> (дата обращения: 18.10.2021)
4. Декларация прав ребенка от 20 ноября 1959 года Текст документа сверен: «Международная защита прав и свобод человека», Москва, Юридическая литература, 1990 год. Официальный перевод [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1901035> (дата обращения: 30.10.2021)
5. Закон ДНР «Об опеке и попечительстве» Принят Постановлением Народного Совета 17 июля 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsoviet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-opereke-i-popechitelstve/> (дата обращения: 31.10.2021)
6. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики, утвержденный Постановлением Народного Совета от 13.12.2019 г. № 81-ПНС (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravodnr.ru/lawdnr/kodeksi/grazhdanskiy-kodeks-dnr-2020> (дата обращения: 31.10.2021)

УДК 347.61

КЛАССИФИКАЦИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Мохов Артем Юрьевич, Волгоградский институт управления – филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации», г. Волгоград*

E-mail: autmohov@mail.ru

*Казаченко Юлия Олеговна, Волгоградский институт управления – филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации», г. Волгоград*

E-mail: jkazachenko@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется содержание имущественных прав ребёнка в соответствии с действующим отечественным семейным законодательством. Авторами предложено несколько классификаций имущественных прав несовершеннолетнего: в зависимости от объекта (имущественных благ, подлежащих особой правовой защите в отношении ребёнка), от основания возникновения имущества, а также, по расположению имущественных прав в ст. 60 Семейного кодекса Российской Федерации. Делаются выводы о недостаточном специальном семейно-правовом закреплении отдельных имущественных прав ребёнка на законодательном уровне (например, на результаты интеллектуальной деятельности)

Ключевые слова: семейное право, права ребёнка, имущественные права несовершеннолетних, имущество, обязательные выплаты, интеллектуальная собственность несовершеннолетнего.

Abstract. The article examines the content of a child's property rights in accordance with the current domestic family legislation. The authors proposed several classifications of the property rights of a minor: depending on the object (property benefits subject to special legal protection in relation to the child), on the basis for the occurrence of the property, and also, according to the location of property rights in Art. 60 of the Family Code of the Russian Federation. Conclusions are drawn about the insufficient special family-legal consolidation of individual property rights of the child at the legislative level (for example, on the results of intellectual activity)

Key words: family law, child's rights, property rights of minors, property, compulsory payments, intellectual property of a minor.

Комплексность нормативно-правового регулирования вопросов осуществления и защиты прав ребёнка обуславливает, в том числе, и определённую степень сложности при установлении классификационных критериев имущественных прав ребёнка, перечисления чётко, теоретически и логически обоснованных видов имущественных прав несовершеннолетних граждан. Наряду с отмечавшимся в теории взаимопроникновением и дуализмом норм гражданского и семейного права при определении статуса ребёнка [1, с. 14], способности несовершеннолетнего (пусть и ограниченной) участвовать в имущественных правоотношениях, согласимся с авторами, относящими к источникам законодательного регулирования отношений в сфере владения, пользования и распоряжения ребёнком, его законными представителями, имущество, в том числе, и жилищно-правовые требования [2, с. 180], нормы трудового законодательства [3, с. 66], акты налогового и предпринимательского права, специальные установления в области защиты объектов интеллектуальной собственности [4, с. 90]. Все эти факторы нужно учитывать при построении авторских классификаций имущественных прав несовершеннолетних. В целом, можно согласиться с О.С. Ткачёвой, отмечавшей межотраслевой характер любой классификации имущественных прав, возникающих у несовершеннолетних – можно в целом говорить об «имущественных правах» в двух смыслах (как сводное понятие нескольких отраслей современной отечественной правовой системы, а также об имущественных правах в «узком» смысле – в соответствии с содержанием ст. 60 СК РФ [5, с. 70]).

Кроме того, сама сложность и неопределённость понятия «гражданские права», взаимоотношения и различия имущественных и неимущественных прав предопределяют и дискуссионность деления имущественных прав на конкретные разновидности в принципе. Прежде всего, нужно отметить. Что в теории гражданского права самым распространённым, «базовым» делением имущественных прав являются позиции о делении таких прав на вещные и обязательственные, а также на абсолютные и относительные [6, с. 51]. Рассмотрим данный вопрос подробнее, соотнося выделяемые в цивилистике классификационные критерии в контексте исследования имущественного положения ребёнка.

Так, к примеру, Ю.Х. Калмыков, отмечая смешанный, вещно-обязательственный характер отношений по распределению имущественных благ в гражданском обороте, выделяет пять основных групп имущественных прав (которые так же, в силу своей универсальности, могут применяться и к специфике гражданско-правовых отношений с участием детей): 1) право частной собственности (в условиях социалистического права – личной собственности); 2) имущественные права, возникающие в связи с участием субъектов правоотношений в обязательствах, порождаемые взаимными с контрагентом обязанностями (к примеру, права, проистекающие из найма жилого помещения); 3) права граждан, возникающие в связи со внедоговорными обязательствами (например, право требования компенсации морального вреда); 4) права,

связанные с наследственными отношениями; 5) права, проистекающие из интеллектуальной деятельности – авторские и патентные права [7, с. 18]. Можно сделать вывод, что такая классификация производится в соответствии с юридическими фактами – конкретными жизненными обстоятельствами, наступление которых порождает возникновение, изменение и прекращение имущественных правоотношений, образование у лица (в том числе, и несовершеннолетнего) имущественных прав и требований. С.С. Алексеев указывает, что при реализации предоставленных лицу имущественных и личных неимущественных прав возникает конкретное субъективное право (например, при реализации права наследования возникает право на обязательную долю в наследственной массе) [8, с. 231].

Особо отметим также и разделение имущественных прав на вещные и обязательственные. Принципиальное различие между этими категориями прав состоит в их содержании. Вещное право направлено на предоставление лицу юридической возможности осуществлять господство над вещью, осуществлять в установленных законодательством пределах различные действия с данным имуществом – сообразно объёму правомочий собственника, определённых каждым конкретным правом (так, если при праве собственности реализуются все три правомочия собственника, права, возникающие на основании договора аренды, связаны только с владением и использованием). Кроме того, вещные права по своей природе предоставляют правообладателю возможность требовать соответствующего *пассивного* поведения от иных участников гражданских правоотношений по отношению к своему имущественному благу (например, не посягать на предметы, находящиеся в частной собственности). При этом основным содержанием обязательственных прав выступает требование *активного* поведения со стороны противной стороны обязательства (в пределах закона и договора) активные действия по реализации имущественных возможностей в рамках конкретного обязательства [9, с. 51]. Л.В. Щенникова в связи с этим указывает, что вещное право имеет абсолютный характер, тогда как обязательственные права носят относительный характер, будучи обусловленными поведением иных участников обязательственного правоотношения [10, с. 11].

Как представляется, все указанные выше теоретические конструкции допустимо распространять и на сферу имущественных отношений с участием несовершеннолетних. При этом требуется учитывать значительное количество публично-правовых элементов, обусловленных активным государственным участием в области регулирования вопросов семьи, детства, материнства и отцовства, оказанием социальной помощи [11, с. 69].

Рассмотрим подробнее классификацию имущественных ребёнка с точки зрения их расположения в тексте семейного законодательства. Прежде всего, стоит отметить, что базовой нормой в данной сфере является ст. 60 СК РФ, расположенная в главе 11 Кодекса. Социальный характер семейного

законодательства обуславливает и само положение имущественных права в тексте главы, так как имущественные вопросы занимают положение последней статьи в главе «Права несовершеннолетних детей). В отличие от гражданского законодательства, где имущественные права занимают приоритетное положение, сообразно предмету семейного законодательства (а именно, «личные неимущественные и имущественные» отношения между родителями и детьми, согласно ст. 2 СК РФ), в положении ст. 60 СК РФ отражается функция приоритета семейного воспитания детей, преимущественного решения вопросов воспитания и образования ребёнка – в соответствии с усилением данного принципа в пакете конституционных поправок [12, с. 25].

В соответствии со структурой ст. 60 СК РФ можно выделить следующие имущественные права, гарантируемые несовершеннолетним:

- 1) право на получение содержания в рамках алиментных обязательств (содержание от иных членов семьи);
- 2) право на получение иных причитающихся ребёнку выплат (их статус, размер и условия уплаты определяются не только семейным, но и иным законодательством – например, актам о социальном обеспечении и социальной защите отдельных категорий граждан);
- 3) право несовершеннолетнего на открытие личного банковского счёта (особый интерес вызывает также практика открытия т.н. «детских вкладов», а также распоряжения такими вкладами лицами по достижении им совершеннолетия);
- 4) право на получение ребёнком доходов, получаемых в результате его экономической деятельности (работы на особых условиях, установленных трудовым законодательством);
- 5) право на обладание ребёнком имуществом, которое он получает в дар;
- 6) право наследования;
- 7) право на приобретение имущества на собственные средства (при этом нужно отмечать особенности правосубъектности несовершеннолетних лиц разного возраста – к примеру, для малолетнего безусловным будет право на приобретение на собственных средств вещей в порядке мелких бытовых сделок);
- 8) право распоряжения собственным имуществом;
- 9) право выступать выгодоприобретателем в случаях, когда использование имущества осуществляется третьими лицами в интересах ребёнка (т.е., по договору доверительного управления);
- 10) право владения и пользование имуществом родителей. СК РФ прямо определяется отсутствие изначального права собственности на имущество родителей (так же, как и родители не обладают всеми правомочиями собственниками в отношении имущества своих детей); обязательным условием для lawным владением и (или) пользованием таким имуществом выступает наличие совместного согласия несовершеннолетнего и его родителей;
- 11) право общей собственности с родителями на определённые объекты имущества (прежде всего, речь идёт о режиме долевой собственности – например, на совместное жилое помещение).

При этом по объекту, согласно положениям ст. 60 СК РФ, все имущественные права ребёнка можно условно поделить на:

- права, связанные с получением причитающихся ребёнку выплат (в рамках исполнения алиментных обязательств, государственного пенсионного обеспечения, причитающихся пособий и единовременных денежных выплат в порядке социальной помощи и мер социальной поддержки);
- права, складывающиеся на денежные средства и иное имущество, самостоятельно заработанное несовершеннолетним, либо же приобретённое им для личного потребления (сообразно степени его дееспособности);
- права на денежные средства и иные объекты имущества, образуемые вне зависимости от прямого волеизъявления несовершеннолетнего (имущество, находящееся в совместной собственности с родителями, открытые на имя несовершеннолетнего банковские вклады, наследство и т.д.) [13, с. 80].

Достаточно неоднозначным в условиях действующего СК РФ остаётся вопрос о полной классификации имущественных прав ребёнка в зависимости от оснований возникновения у него соответствующих имущественных благ. На сегодняшний день СК РФ предусматривает в ст. 60 в числе таких оснований только производные (договоры дарения, приобретение имущества ребёнком (или в интересах ребёнка) на основе иных сделок по отчуждению имущества, а также процесс наследования); при этом первоначальные способы (например, создание вещей) СК РФ прямо не регламентированы. Возможно распространение случаев первоначального приобретения имущества по аналогии ч.3 ст. 60 СК РФ (как вещи, приобретённые на средства ребёнка) или установления на такое имущество режима совместной собственности родителей и детей, однако, полностью данные основания на имеющиеся ситуации распространить невозможно. Бессспорно, что на фоне использования при возникновении у несовершеннолетнего имущественных прав производные способы занимают подавляющее большинство, однако, в ходе развития гражданского оборота, проникновения новых технологических средств может возникнуть гипотетическая ситуация создания ребёнком новых, достаточно ценных, объектов вещных прав (например, их печать на 3D-принтере) – регламентация подобных вопросов, несомненно, представляется необходимой в контексте дальнейшего развития общественных и производственных отношений, их нормативного регулирования.

В контексте определения объектного состава имущественных прав ребёнка и оснований возникновения у него таких прав считаем некоторым ущемлением законодателя вопросов специального семейно-правового регулирования вопросов распоряжения и правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности, создаваемых несовершеннолетним, и представляющих самостоятельную разновидность имущества. Отдельное выделение объектов интеллектуальной собственности в качестве объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ), предопределяет регламентацию вопросов об интеллектуальных правах ребёнка на созданные непосредственно им (или при его авторском участии)

произведений литературы, искусства или науки. На сегодняшний день при разрешении подобных вопросов требуется обращение к общим положениям части IV ГК РФ [14]. При этом некоторыми авторами отмечается, что, поскольку уже с десятилетнего возраста законодательно предусматривается учёт мнения ребёнка при решении целого ряда, начинать «отсчёт» способности ребёнка быть автором произведений науки, искусства и литературы с этого же возраста – поскольку на практике могут складываться ситуации недобросовестного присвоения авторства педагогами общеобразовательных учреждений (тогда как «консультирование не означает само по себе самостоятельного возникновения авторства» [15, с. 614]); соответственно, нужно предусмотреть правовые механизмы защиты прав ребёнка, в том числе, и в сфере авторского права, не в последнюю очередь стимулируя тем самым интеллектуальный и креативный потенциал молодёжи [16].

С точки зрения принятой в теории гражданского права общей классификационной позиции имущественные права несовершеннолетних подразделяются на вещные и обязательственные, абсолютные и относительные. На основе анализа «базовой» нормы ст. 60 СК РФ выделено одиннадцать имущественных прав несовершеннолетних; в зависимости от объекта имущественные права подразделены на права от причитающихся по законодательству выплат (т.н. «социально-имущественные» права), права на полученные доходы, а также права на имущество. По основаниям возникновения имущества в контексте действующего СК РФ применить общепринятое деление на права, возникшие в результате использования производных и первоначальных способов не представляется возможным ввиду отсутствия в СК РФ указания на первоначальные способы возникновения имущественных прав; в связи с этим указывается на необходимость проработки данного вопроса при реформировании семейного и гражданского законодательства – прежде всего, в части регламентации имущественных прав ребёнка на результаты интеллектуальной деятельности.

Список использованной литературы:

1. Филиппов П.М., Джумагазиева Г.С. Права детей и их охрана: монография. – Волгоград: Изд-во ВИЭСП, 2011. – 92 с.
2. Курманбаев М.М. Жилищные права несовершеннолетних // Право и практика. – 2019. – № 1. – С. 180-185.
3. Басова И.О. Понятие и защита имущественных прав детей, воспитывающихся в семье // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2015. – № 1. – С. 64-66.
4. Хасанов Э.Р. Особенности реализации и защиты авторских прав несовершеннолетних // Человек. Общество. Инклюзия. – 2018. – № 4 (36). – С. 91-96.
5. Ткачёва О.С. Имущественные права несовершеннолетнего (ребёнка) как понятие гражданского и семейного права // Государственная служба и кадры. – 2016. – № 4. – С. 76-80.

6. Суханов Е.А. Российское гражданское право: учебник для вузов. – М.: Статут, 2019. – Т. 1. – 576 с.
7. Калмыков Ю.Х. Имущественные права советских граждан: монография. – Саратов: Издательство Саратовского юридического института, 1979. – 159 с.
8. Алексеев С.С. Право собственности. Проблемы теории: монография. – М.: Проспект, 2011. – 379 с.
9. Лунькова О.В. Имущественные права несовершеннолетних: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03. – СПб., 2006. – 171 с.
10. Щенникова Л.В. Вещные права в гражданском праве России: учебное пособие. – М.: БЕК, 1996. – 200 с.
11. Ткачёва О.С. Ук. соч. С. 79.
12. Ржаницына Л.С., Рыбальченко С.И. Улучшение положения детей – путь к снижению бедности в России // Народонаселение. – 2021. – Т. 24. – № 1. – С. 24-32.
13. Спиридонова Н.И. Права несовершеннолетних при разделе наследства // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. – № 4. – С. 79.
14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (с изменениями на 11 июня 2021 г.) (редакция, действующая с 1 августа 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (часть I). – Ст. 5496.
15. Агеева Е.С., Макарова Е.В. Проблемы реализации авторских прав обучающихся общеобразовательных учреждений при создании и использовании информационных продуктов // Молодой ученый. – 2016. – № 28. – С. 614-617.
16. Бирюков А.А. Авторские права несовершеннолетних // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. – № 4. – С. 79-80.

УДК 34.096

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ ОТОБРАНИИ РЕБЕНКА ВСЛЕДСТВИЕ ЛИШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

Цеповяз Мария Сергеевна, Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону

E-mail: maryantonenko2015@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные моменты, которые возникают при исполнении судебным приставом-исполнителем решения суда об отобрании ребенка вследствие лишения родительских прав. Автор отмечает, что принудительное исполнение в рассматриваемом случае сопровождается со значительными трудностями, когда родители или один из них игнорируют действия судебного пристава-исполнителя, у которого в свою очередь отсутствует эффективный инструментарий для принудительного исполнения. В связи с этим обосновывается необходимость разработки более детального механизма исполнения решений о лишении родительских прав, об отобрании ребенка за счет внесения изменений в СК РФ, а также в Федеральный закон № 229-ФЗ, дополнив их положениями о порядке исполнения судебных решений по делам данной категории, которые, безусловно, имеют свою специфику.

Abstract. The article discusses the problematic moments that arise when the bailiff is executing a court decision on the removal of a child due to deprivation of parental rights. The author notes that the enforcement in this case is accompanied with significant difficulties when the parents or one of them ignore the actions of the bailiff, who, in turn, does not have effective enforcement tools. In this regard, the need to develop a more detailed mechanism for the execution of decisions on deprivation of parental rights, on the removal of a child by making changes to the RF IC, as well as to Federal Law No. 229-FZ, is substantiated, supplementing them with provisions on the procedure for the execution of court decisions in cases of this category, which certainly have their own specifics.

Ключевые слова: исполнительное производство, судебный пристав-исполнитель, отобрание ребёнка, лишение родительских прав.

Key words: enforcement proceedings, bailiff, child removal, deprivation of parental rights.

Первоначально укажем, что институт принудительного исполнения решений по делам об отобрании ребёнка – это одна из гарантий защиты детей от семейного неблагополучия, а в отдельных ситуациях – это единственная возможность защитить его от домашнего насилия, так как нередки случаи, когда ребенок живёт и воспитывается в условиях, которые представляют угрозу его здоровью, а зачастую и жизни.

Однако на практике возможны случаи, когда этот процесс проходит формально, так как самое по себе решение суда об отобрании ребёнка не

означает, что в действительности реальна защита прав ребёнка осуществлена в полной мере. Об этом можно говорить только после того, как вынесенное судебное решение будет исполнено [5, с. 402].

Достаточно часто в процессе исполнения решения об отобрании ребёнка, судебные приставы-исполнители сталкиваются со значительными трудностями, которые опосредованы тем, что родители активно сопротивляются исполнению решению суда, скрывают их местонахождение [6, с. 95], при том, что судом было принято решение о лишении их родительских прав. Именно вопрос о проблемных аспектах исполнительного производства по делам об отобрании ребенка будет предметом данной статьи.

Отобрание ребенка – это прежде всего мера принудительного исполнения решения суда, в котором сочетается комплекс действий судебного пристава-исполнителя по обнаружению, отысканию, изъятию ребенка и передаче его другому лицу, или при отсутствии такой возможности, например, когда родительских прав лишаются оба родителя, то органу опеки и попечительства.

Безусловно, отобрание ребёнка – это вынужденная мера. Она применяется при установлении негативных факторов в поведении родителей, которые уклонялись от выполнения родительских обязанностей; отказались взять своего ребенка из организации, в которой он временно находился без уважительной причины; злоупотребляли родительскими правами; жестоко обращались с детьми; являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией или совершили умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей, другого родителя и др. [1]. И в результате перечисленного были лишены родительских прав по решению суда. Данное решение влечёт отобрание ребенка

Конечно, эта процедура сопровождается негативными психологическими проявлениями, однако при любом условии судебный пристав-исполнитель должен обеспечить выполнение решения суда. Отобрание предполагает, что ребёнок разлучается с родителями и передаётся другим лицам или органам опеки. При всей кажущейся жестокости данная мера обоснована. Её цель – благополучие ребёнка.

Лишение родительских прав – это исключительная мера наказания для родителей и в тоже время – гарантия защиты детей. В судебной практике известны случаи, когда суды подходят формально к лишению родительских прав. В принимаемых решениях не указывается, что с родителями была проведена профилактическая работа, при том, что без этих мероприятий суд не мог вынести решение. Сам факт, что суд вынес законное и обоснованное решения не означает, что ребёнок реально получил соответствующую защиту. Мероприятия по этой защите должны быть исполнены.

В Постановлении Пленума ВС РФ от 14.11.2017 № 44 указано, что «Лишение родительских прав является крайней мерой ответственности родителей» [4]. При этом высшая судебная инстанция разъясняет, что суд обязан указать и конкретизировать кому на воспитание передается ребенок.

Важное значение имеет точность формулировки резолютивной части судебного решения, это необходимо, чтобы впоследствии не возникли затруднения при его исполнении, так как в исполнительный лист дословно переносится решение суда (резолютивная часть). Итогом является изменение

правового статуса бывших родителей (родителя) и самого ребёнка (детей). При этом отметим законодательный пробел, состоящий в том, что это изменение статуса нигде на официальном уровне. Однако в свидетельстве о рождении ребенка и документах, удостоверяющих личность родителей, никакие изменения этого статуса не фиксируются.

Особенностью исполнение решений по делам о лишении родительских прав является его принудительный характер, так как в процессе исполнительного производства по требованию, выданному судом осуществляется отобрание ребенка у родителя [7, с. 175].

В связи с этим необходимо, чтобы судебный пристав-исполнитель тщательно подготовился к исполнению рассматриваемого судебного решения. Сам процесс исполнения должен быть грамотным и конечно же тактичным. При необходимости следует заранее подготовить документы, которые могут потребоваться для помещения ребенка в воспитательное учреждение. Следует установить, не нужна ли ребенку помощь медицинских работников или в помещении в стационарные условия лечебного учреждения, санаторий и др.

Возбуждая исполнительное производство, судебный пристав должен известить об этом должника, у которого ребёнок находится, запрашивает у взыскателя данные о ребенке (место жительства, пребывания). Если место нахождения ребёнка известно, то судебный пристав-исполнитель совершает необходимые исполнительные действия и применяет меры принудительного исполнения. При необходимости установления места нахождения должника информация о нём может быть запрошена у государственных органов, у оператора сотовой связи. При необходимости организуется розыск ребенка [11, с. 145].

Обязательным при принудительном исполнении рассматриваемого решения суда является присутствие родителя, не лишенного родительских прав, в качестве законного представителя ребенка является, так это снижает риски неблагополучной обстановки в процессе исполнения, ведь ребенок будет более спокоен, если рядом с ним будут находиться знакомые лица.

В случае необходимости судебный пристав-исполнитель наделен правом привлекать к участию в процедуре исполнения переводчика и специалиста.

Практика свидетельствует, что наиболее успешным является незамедлительное исполнение решения об отобрании ребенка. В результате лишения родительских прав возникают неблагоприятные гражданско-правовые последствия. Они теряют все права, основанные на факте родства с ребенком, в отношении которого они были лишены родительских прав. Однако у родителей остается обязанность содержать своих несовершеннолетних детей. Перечень средств и доходов, на которые должны быть направлены алименты, устанавливается на федеральном уровне.

На родителя, лишенного родительских прав, суд может возложить ответственность за вред, причиненный его несовершеннолетним ребенком в течение 3-х лет после лишения родительских прав, если поведение ребенка, повлекшее причинение вреда, явилось следствием ненадлежащего осуществления родительских обязанностей [2].

Одна из целей лишения родительских прав – прекратить бывших родителей/родителя и детей, для предотвращения их отрицательного воздействия на ребенка. Достижение этой цели проблематично, так как процесс расселения связан со значительными финансовыми затратами, а также объективными причинами, например, жилое помещение в котором проживает ребенок, принадлежит на праве собственности одному из родителей, который лишен родительских прав, или брак между супругами не расторгнут.

Несколько проще ситуация, если жилое помещение относится к государственному или муниципальному фонду, то в этом случае, родитель, лишенный родительских прав, может быть выселен из занимаемого жилого помещения без предоставления другого жилого помещения, при установлении наличия вреда интересам ребенка [3].

При проживании детей родителей и в квартире или доме, принадлежащем им на праве общей собственности, или собственником жилого помещения является сам родитель, лишенный родительских прав, могут возникать значительные трудности. В такой ситуации ввиду невозможности проживания совместно с родителем, лишенным родительских прав, ребенок переселяется ко второму родителю, проживающему отдельно, к опекуну (попечителю) либо в специализированное детское учреждение, при этом за ребенком сохраняется право собственности на жилое помещение, принадлежащее ему и родителю на праве общей собственности и права, и пользования жилым помещением, принадлежащим только родителю на праве собственности.

В целях обеспечения прав и интересов ребенка целесообразно предусмотреть в законодательстве положение о том, что о вопросе о выселении родителя из жилого помещения, не принадлежащего ему на праве собственности на основании ч. 2 ст. 91 ЖК РФ, решать одновременно с лишением его родительских прав, а не в отдельном производстве.

Дети, в отношении которых оба родителя лишиены родительских прав, приобретают статус детей, оставшихся без попечения родителей. Сведения о них передаются в государственный банк данных о детях, оставшихся без попечения родителей.

Исполнение решений об ограничении в родительских правах и отобрании ребёнка во многом сходно с исполнением решений о лишении родительских прав и также имеет аналогичные трудности, что обусловлено состоянием психики ребенка, который подчас запуган родителями, продолжает им повиноваться.

Укажем особую роль органов опеки и попечительства в процессе принудительного исполнения решения об отобрании ребёнка, представитель указанного органа не должен быть простым созерцателем происходящего, а должен оказывать ему помощь. При принудительном исполнении важно смягчить обстановку, убедить одного из родителей (отца или мать) в том, что ребенка целесообразно устроить на время в детское учреждение. Особой осторожности требует процедура отборания у родителей детей, страдающих психическими расстройствами [9, с. 26].

При принудительном исполнении судебного решения об отобрании ребенка недостаточно участия представителя органа опеки и попечительства, так

как это должностное лицо, также как и пристав-исполнитель, незнаком ребёнку, и он воспринимает его как чужого человека, который представляет для него угрозу, поэтому желательно, чтобы при этой процедуре присутствовал человек, которому ребенок доверяет. Чаще всего должниками в этом виде производства выступают асоциальные элементы, однако такие ситуации возможны и в силу трагических обстоятельства, смерть родителей или их тяжелая болезнь, которая не позволяет им в полной мере обеспечить жизнедеятельность и воспитание ребёнка. В таких случаях желательно присутствие кого-то из близких родственников, которые имеют с ним доверительный контакт.

Исследователи неоднократно высказывали предложение о том, чтобы на законодательном уровне закрепить в исполнительном производстве правило, аналогичное тому, которое действует в семейном законодательстве об учёте мнения несовершеннолетнего ребенка. Указанное предложение аргументируется ссылкой на статью 12 Конвенции о правах ребенка, в которой указано, что ребенку необходимо предоставлять возможность быть заслушанным в любом судебном или административном разбирательстве, в ходе которого затрагиваются его права, а в силу того, что исполнительное производство – это административная процедура при которой происходит отобрание ребенка по нормам отечественного законодательства, то если ребенок достиг возраста, который позволяет ему самостоятельно высказывать собственное мнение о своих потребностях и интересах, то соответственное в ходе исполнительного производства, ребёнок также должен иметь возможность высказать свое мнение. Законодатель установил конкретный возраст – 10 лет, так как специалисты считают, что именно с этого времени несовершеннолетний достигает такого уровня психологического развития, который позволяет ему объективно оценить взаимоотношение с родителями, их поступки, действия, черты характера и иные личные свойства [10, с. 162]. По этому вопросу было высказано мнение высшей судебной инстанции. Так, в Постановлении № 44 Пленума ВС указано, что если суд сделает вывод о том, что если ребенок в возрасте младше десяти лет, способен самостоятельно формулировать свои взгляды относительно по вопросам, затрагивающим его права, то суд может непосредственно в ходе судебного разбирательства опросить несовершеннолетнего.

Принудительному исполнению решений по делам о лишении родительских прав, об ограничении в родительских правах свойственен ряд специфических особенностей, трудностей и проблем, которые опосредованы состоянием ребенка (физиологическим и психологическим) [8, с. 207]. Такие дети, как правило, запуганы родителями, боятся их и из-за этого продолжают им повиноваться. В свою очередь, лица, лишенные родительских прав, зачастую пытаются удержать при себе детей любой ценой, прячут их. Для исключения возможности создания обстановки, травмирующей ребенка, следует продумать заранее всю процедуру принудительного исполнения.

Успех исполнения судебного решения по указанным делам также во многом зависит от качества подготовительной работы.

Анализ практики принудительного исполнения свидетельствует, что достаточно часто встречаются ситуации, когда лицо (один из родителей), в отношении которого вынесено решение суда об отобрании ребёнка, игнорирует

действия судебного пристава-исполнителя. В таких условиях у последнего практически отсутствует возможность исполнить вынесенное судебное решение, так как указанное лицо насилием забирает ребенка себе и предпринимает действия, направленные на сокрытие ребенка. В силу действующего законодательства, такие действия родителя не могут быть классифицированы как похищение ребенка, так как это может сделать только посторонний человек. В силу этой презумпции, привлечь такого родителя к ответственности невозможно, следовательно можно сделать вывод об отсутствии эффективного механизма ответственности за неисполнение решения суда об отобрании ребенка. Имеющаяся ответственность за нарушение законодательства об исполнительном производстве предполагает лишь назначение административного штрафа, даже при повторном неисполнении требований судебного пристава-исполнителя.

Подводя итоги рассмотрения проблем принудительного исполнения решений суда об отобрании ребенка при лишении родительских прав, отметим целесообразность разработки более детального механизма исполнения решений о лишении родительских прав, об ограничении в родительских правах и отобрании ребенка и за счет внесения изменений в СК РФ, а также в Федеральный закон № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», дополнив их положениями, детализирующими порядок исполнения судебных решений по делам данной категории, которые, безусловно, имеют свою специфику.

Список использованной литературы:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (часть I). – Ст. 14.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»
5. Богданова К.Р., Еникеев О.А. Рационализация исполнительного производства // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2020. – № 5-2 (45). – С. 401-403.
6. Горбунова А.А. Принудительное исполнение судебных решений об отобрании или о передаче ребенка, порядке общения с ребенком: актуальные проблемы и пути их решения // Вестник исполнительного производства. – 2019. – № 2. – С. 93-97.
7. Лапшина Т.Д. Принудительное исполнение судебных решений об отобрании или о передаче ребенка под государственную опеку либо иным лицам, в том числе в отношении субъектов уголовно-исполнительной системы // Сборник научных трудов победителей и призеров конкурсов на лучшую научную работу. – Новокузнецк, 2019. – С. 173-176.

8. Малахова Е.В. Принудительное исполнение судебных решений, возникающих из споров, связанных с воспитанием детей // Актуальные проблемы права и управления. Сборник статей IV всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Тюмень, 2018. – С. 206-218.

9. Нечаева А.М. Отобрание детей у родителей // Российская юстиция. – 2010. – № 7. – С. 25-26.

10. Федянина П. Г. Процессуальные особенности судебного разбирательства по делам о лишении родительских прав // Современная наука: актуальные вопросы, достижения, инновации. Сборник статей IX Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2019. – С. 161-163.

11. Цепкова Т.М., Бахарева О.А. Исполнение решения по делам о лишении родительских прав и его правовые последствия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 2 (121). – С. 142-148.

УДК 343.1

ОБ ОТНОСИМОСТИ И ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Монгуш Аида Леонидовна, Московская академия
следственного комитета Российской
Федерации, г. Москва

E-mail: mong_17@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются понятие относимости и допустимости доказательств, а также отдельные виды доказательств, используемые в уголовном судопроизводстве в связи с развитием цифровых технологий.

Abstract. The article discusses the concept of relevance and admissibility of evidence, as well as certain types of evidence used in criminal proceedings in connection with the development of digital technologies.

Ключевые слова: относимость, допустимость, доказательства, уголовное судопроизводство.

Key words: relevance, admissibility, evidence, criminal proceedings.

Согласно нормативному закреплению в действующем уголовно-процессуальном законе, процесс доказывания состоит в собирании, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, предусмотренных статьей 73 УПК РФ. Согласно содержанию части 1 статьи 88 УПК РФ следует, что каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности достаточности.

В доктрине сущность каждого из этих элементов ученые понимают по-разному. Есть две точки зрения к вопросу об относимости доказательств. Первая точка зрения ряда авторов состоит в том, что относимость доказательств своим содержанием служит средством установления обстоятельств, имеющих значение для дела [1, с. 20]. Другие ученые утверждают, что относимость – признак, указывающий на связь между доказательственной информацией и обстоятельствами, подлежащими доказыванию. Так, Зайцева С.А. и Громов Н.А. понимают относимость доказательств как внутреннее присущее свойство доказательств, выражающее объективную связь фактических данных с обстоятельствами дела [2, с. 64].

Таким образом, оценка относимости доказательств должна указывать на наличие связи между обстоятельствами, которые подлежат доказыванию и содержанием доказательств. С точки зрения относимости оцениваются все доказательства, в частности и показания потерпевшего, свидетелей, подозреваемого и обвиняемого, так как данные лица могут сообщать сведения о фактах и обстоятельствах, которые не относятся к предмету доказывания.

Относимыми будут только те сообщенные сведения о фактах и обстоятельствах, которые имеют какое-либо значение для дела: входят в предмет доказывания по уголовному делу, доказательственных фактах, обстоятельствах, которые являются основанием для применения процессуальных норм [3, с. 50-55].

Показания потерпевшего, свидетелей, подозреваемого и обвиняемого также рассматриваются с точки зрения допустимости и достоверности как доказательство по делу. Согласно статье 75 УПК РФ, под недопустимыми доказательствами следует понимать доказательства, полученные с нарушением уголовно-процессуального законодательства. Исходя из данного определения можно полагать, что допустимость – это качество доказательства, его способность быть использованным в качестве доказательства. Если показания потерпевшего, свидетелей, подозреваемого и обвиняемого или иных лиц получены с нарушением закона, то оно не может быть признано допустимым, а значит, оно теряет свою юридическую силу как доказательство.

В условиях цифровизации современного общества появились новые виды доказательств, определение относимости и допустимости которых является одним из важных вопросов в уголовном судопроизводстве. Развитие цифровых технологий позволяют использовать для фиксации следственных и процессуальных действий такие технические средства, как диктофон, видеокамера, фотоаппарат и др., а также их использование для установления обстоятельств уголовного дела. Следственные органы стараются сразу изъять записи с камер видеонаблюдения, видеорегистратора. Видеозаписи и аудиозаписи могут быть положены в основу обвинения, если они получены в соответствии с законом.

В 2018 г. система «Безопасный город» помогла в раскрытии 28 тыс. преступлений [4]. Согласно статистике Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции г. Москвы в 2019 г. с помощью системы видеонаблюдения раскрыто 4 240 преступлений [5].

Также нередко используют скриншоты в качестве доказательств по уголовному делу. Скриншот – это снимок с экрана компьютера или мобильного устройства в определенный момент времени. Согласно ст. 88 УПК РФ, каждое доказательство оценивается с точки зрения относимости, допустимости, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела [6].

В деле об угрозе убийством суд первой инстанции признал скриншот личной страницы потерпевшей в социальной сети «Одноклассники» недопустимым доказательством, указав, что следователь при проверке скриншота как доказательства не выполнил положения ст. 87 УПК РФ, а именно отсутствовал его источник и сведения о появлении данного скриншота в материалах уголовного дела. Доводы суда первой инстанции были опровергнуты судом апелляционной инстанции. Суд апелляционной инстанции указал, что его источником является страница социальной сети «Одноклассники», действующая и поныне, в чем наглядно убедился суд непосредственно в судебном заседании с использованием независимого технического средства и сети Интернет [7].

Для оценки доказательств на судебных стадиях характерно следующее:

1. Доказательства оцениваются с точки зрения их достаточности, допустимости, относимости.

2. Проверяется законность методов, которые использовались следственными органами на стадии предварительного расследования.

3. Осуществляется оценка соответствия выводов, сделанных субъектами предварительного расследования, фактическим обстоятельствам дела, проверяется логичность выводов следствия [8].

Таким образом, тенденция развития цифровых технологий показывает векторы для совершенствования уголовного законодательства, преступления совершаются все новыми способами, и в связи с этим появляются новые виды доказательств.

Список использованной литературы:

1. Ульянова Л.Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. – М., 1959. – С. 20.

2. Громов Н.А., Зайцева С.А. Оценка доказательств в уголовном процессе. – М, 2002. – С. 64.

3. Непранов Р.Г. Некоторые вопросы оценки свойств доказательств в уголовнопроцессуальном праве России // Юристъ-Правоведъ. – 2013. – № 4 (59). – С. 50-55.

4. Более 28 тыс. преступлений в РФ в 2018 г. раскрыли с помощью системы «Безопасный город» // ТАСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/6170230> (дата обращения: 23.10.2021)

5. О выполнении Государственной программы города Москвы «Безопасный город» в 2019 году и задачах на 2020 год // Официальный сайт мэра Москвы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mos.ru/drbez/documents/programmabezopasnyi-gorod/view/237781220/> (дата обращения: 15.05.2020)

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021)

7. Апелляционное постановление Курганского областного суда от 03.04.2014. Дело № 22-635/2014 (дата обращения: 23.10.2021)

8. Хоряков С.Н. Значение принципа свободы оценки доказательств на судебных стадиях рассмотрения уголовного дела / С.Н. Хоряков. – Сыктывкар: Вестник. Государство и право, 2020. – С. 65-67.

УДК 347.9

МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ В РАМКАХ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Криндач Александр Григорьевич,
Донбасская аграрная
академия, г. Макеевка

E-mail: dach20001@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется вопрос введения в гражданский процесс новеллы в виде мирового соглашения в связи с принятием нового гражданского процессуального кодекса Донецкой Народной Республики в сравнении с действием аналогичной процедурой в других странах.

Abstract. The article examines the issue of introducing a novelty into the civil process in the form of an amicable agreement in connection with the adoption of a new civil procedure code of the Donetsk People's Republic in comparison with the action of a similar procedure in other countries.

Ключевые слова: Гражданский процессуальный кодекс, правовые традиции, мировое соглашение, правовая природа, гражданско-правовая сделка

Key words: Civil procedure code, legal traditions, settlement agreement, legal nature, civil law transaction.

Европейская правовая традиция на протяжении всей истории существования в той или иной степени культивирует принцип, который можно определить как *favor conciliation's*, то есть принцип содействия примирению сторон спора.

На сегодняшний день, после принятия нового Гражданского Процессуального Кодекса Донецкой Народной Республики, гражданское судопроизводство ДНР предусматривает возможность заключения мирового соглашения сторонами по делу на какой-либо стадии гражданского судопроизводства.

В соответствии со статьей 161 Гражданского процессуального кодекса ДНР под мировым соглашением следует понимать заключенное сторонами спора по совместному заявлению в суд соглашение с целью урегулирования существующего между ними спора на основе взаимных уступок. При этом следует отметить, что предмет такого мирового соглашения не может выходить за пределы предмета иска и должен касаться исключительно прав и обязанностей сторон [1].

Правовая природа мирового соглашения в гражданском судопроизводстве не имеет единого доктринального подхода. Определенное количество ученых склоняются к позиции определения мирового соглашения с точки зрения материально-правового подхода, а именно признание мирового соглашения как самостоятельного вида сделки.

В дореволюционной российской доктрине мировое соглашение рассматривалась как гражданско-правовой договор (Мейер Д.И., Шершеневич

Г.Ф., Победоносцев К.П., Синайский В.И. и другие), а следовательно, как любой договор, относится к области материального, но не процессуального права.

Так, Васьковский Е.В. отстаивал позицию, что процессуальная мировое соглашение, по сути, тем же, что и гражданско-правовая, а потому условия ее действительности должны обсуждаться с нормами материального права и только форма и процессуальные последствия имеют определяться процессуальными нормами [2, с. 363].

В свою очередь, Гурвич М.А. указывал, что мировое соглашение является не процессуальным договором, а более сложным юридическим составом, в который входят гражданско-правовая сделка и ряд элементов процессуального значения [3, с. 10].

Свою позицию большинство ученых аргументировали и продолжают аргументировать, в частности, положениями Кодекса Наполеона 1804 [4, с. 96].

Так, статьей 2044 определялось, что мировое соглашение является договором, с заключением которого стороны прекращали спор, уже возник или предупреждали его возникновения. Также статьей 2052 этого же Кодекса подчеркивалось, что мировое соглашение имеет силу судебного решения для сторон, которые заключили. Вместе с тем следует отметить, что все вышеуказанные положения не актуальны, в результате прекращения действия [5].

Вместе с тем, на сегодняшний день процедуры примирения, которые в результате предусматривают заключение соответствующего акта примирения, обусловлены Гражданским процессуальным кодексом Франции, а именно его разделом VI.

Упомянутый раздел имеет соответствующее название «Примирение и посредничество» и предусматривает процедуру примирения как по инициативе суда, так и по собственной инициативе сторон, самостоятельно или с помощью посредника. Результатом примирения сторон есть акт примирения, который включает в себя содержание договоренностей сторон и подписывается сторонами и судьей. Акт примирения имеет силу судебного решения [6].

Гражданское процессуальное право Франции олицетворяет в себе и гражданское процессуальное право и гражданское судопроизводство. Такое единство обеспечивается через совокупность норм позитивного права, регулирующих как организацию, так и юрисдикцию гражданских судов, как порядок обращения за судебной защитой, так и рассмотрения и разрешения гражданских дел.

Другим не менее показательным для нас примером является гражданское процессуальное уложение Германии, которым определяется, что заключено мировое соглашение является исполнительным документом. Заключение мирового соглашения происходит путем изложения его дословного содержания в протоколе судебного заседания [7].

Указанное дает возможность утверждать, что мировое соглашение (соглашение примирения) заключено сторонами и утверждено судом – является процессуальным действием, совершенным в рамках гражданско-процессуальных отношений и является обязательным для исполнения в порядке, установленном для судебных решений. Приближенной к материально-правовому подходу

позиция Фурсы С.Я. и Фурсы Е.И., которые предлагают рассматривать мировое соглашение как двустороннее соглашение между истцом и ответчиком, при заключении которой они фактически заново определяют свои права и обязанности в спорных правоотношениях [8, с. 144].

Похожей позиции придерживается и Луспеных Д.Д., который под мировым соглашением понимает достигнутую сторонами в ходе судебного разбирательства под контролем суда и основанную на взаимных уступках соглашение, по-новому определяет их права и обязанности [9, с. 159]. Среди последователей процессуального подхода следует отметить доктора юридических наук Гукасяна Р.Е., который определял мировое соглашение как процессуальный договор, цель которого заключается в решении гражданского спора и соответственно прекращении гражданского производства [10, с. 98].

Такая позиция заслуживает внимания, в частности, учитывая определение «процессуальный договор». Муратовой Н.Г., Чалишевим М.Ю. предложена теория процессуальных договоров (соглашений), как результат постепенного стирания границ между частным и публичным правом, под которой понимается межотраслевое учение о сущности этих правовых конструкций. Объясняется такая теория тем, что в рамках этой теории следует опираться на достижения цивилистики, теории права и соответствующих процессуальных наук [11, с. 18].

В свою очередь Притыка Ю.Д. определяет процессуальный договор как соглашение участников процессуальных правоотношений, направленную на достижение процессуальных последствий по формированию порядка рассмотрения и разрешения их спора или самой процедуры рассмотрения такого спора, или по результатам разрешения спора [12, с. 200]. Белоусов Ю.В. указывает, что мировое соглашение – это заключенное между сторонами и признана судом договоренность (договор) о прекращении спора между сторонами путем взаимных уступок, которая касается их прав, обязанностей и предмета иска [13, с. 138].

Сегодня следует отметить, что доктрина признания мирового соглашения актом судопроизводства в результате которого прекращается производство по делу безусловно имеет значительное количество сторонников, несмотря на определенное различие во взглядах относительно его правовой сути. Значительное количество ученых считают, что мировое соглашение является договором о решении судебного спора, после его утверждения судом является не чем иным как судебным решение. Другие говорят о том, что мировое соглашение является актом судебной власти.

Третьи считают, что утверждение мирового соглашения придает ей статуса судебного акта, обеспеченного исполнительной силой. Некоторыми авторами предпринимаются попытки обосновать то, что мировое соглашение является актом, который возникает в результате деятельности суда [14, с. 75]. В рамках этого исследования следует отметить следующему выводу.

Сегодня мировое соглашение является документальным отражением взаимных уступок сторон гражданского производства, то есть реализацией процессуальных прав сторон, признается и утверждается судом в рамках этого же производства, с соблюдением процессуальных норм и вступает в силу судебного решения, а поэтому является обязательным для исполнения не только сторонами, а и любыми другими органами и лицами на территории ДНР.

Список использованной литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики № 278-ПНС от 30.04.2021, действующая редакция по состоянию на 01.07.2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 19.10.2021)
2. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса / Е.В. Васьковский. – Москва: Зерцало, 2003. – 464 с.
3. Советский гражданский процесс / Под. ред. М.А. Гурвича. – М.: Высшая школа, 1975. – 125 с.
4. Евсеев А.П. Правовая природа мирового соглашения в хозяйственном процессе / А.П. Евсеев, И.П. Жигалкин, А.А. Присяжнюк // Проблемы законности. – 2012. – № 120. – С. 94-103.
5. Code Napoléon en 1804 // Le service public de la diffusion du droit [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/liste/code?etatTexte=VIGUEUR&etatTexte=VIGUEUR_DIFF (дата обращения: 19.10.2021)
6. Code de procédure civile // Le service public de la diffusion du droit. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/afchCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070716&dateTexte=20170216> (дата обращения: 19.10.2021)
7. Гражданское процессуальное уложение Германии // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_zpo/englisch_zpo.html#p23856 (дата обращения: 19.10.2021)
8. Фурса С.Я. Гражданский процессуальный кодекс Украины: научно-практический комментарий: в 2 т. / С.Я. Фурса, Е.И. Фурса, С.В. Щербак; под общ. ред. С. Я. Фурсы. – Киев: КНТ, 2007. – 1088 с.
9. Луспеныйк Д.Д. Рассмотрение гражданских дел судом первой инстанции / Д.Д. Луспеныйк. – Харьков: Харьков юридический, 2006. – 480 с.
10. Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве / А.Е. Гукасян. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 1970. – 190 с.
11. Муратова Н.Г. В межотраслевой теории процессуальных соглашений: вопросы гражданского права, цивилистического и уголовного процесса / Н.Г. Муратова, М.Ю. Чалишев // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 4. – С. 18-26.
12. Притыка Ю.Д. К вопросу о сущности процессуальных договоров (соглашений) / Ю.Д. Притыка // Право Украины. – 2014. – № 2. – С. 197-209.
13. Гражданский процесс: учеб. пособие / А.В. Андрушко, Ю.В. Белоусов, Р.А. Стефанчук, А.И. Угриновский. – Киев: Прецедент, 2005. – 293 с.
14. Рожкова М.А. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, Арбитражное (третейской) и мировое соглашения / М.А. Рожкова, Н.Г. Елисеев, А.Ю. Скворцов. – Москва: Устав, 2008. – 525 с.

УДК 347.965

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА АДВОКАТУРЫ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ГАРАНТИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Чамлай Виталий Валентинович,
Кукла Марина Геннадьевна,
Донбасская юридическая
академия, г. Донецк

E-mail: kukla.marina@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы правовой регламентации института адвокатуры в Донецкой Народной Республики, основные принципы и гарантии деятельности. В целях формулирования направлений актуализации правовой регламентации института адвокатуры в статье рассмотрены, обобщены (сгруппированы) отдельные проблемы правового регулирования, принципы деятельности.

Abstract. The article discusses topical issues of legal regulation of the institution of the Bar in the Donetsk People's Republic, the basic principles and guarantees of activity. In order to formulate the directions of updating the legal regulation of the institution of the legal profession, the article examines, summarizes (grouped) certain problems of legal regulation, principles of activity.

Ключевые слова: адвокат, защитник, презумпции, принципы, гарантии.

Key words: lawyer, defender, presumptions, principles, guarantees.

Особое место в системе конституционной защиты прав и свобод занимает адвокатура, являющаяся специфическим правозащитным институтом гражданского общества. Демократические преобразования общества обусловили создание адвокатуры, которая реализует не только правозащитную функцию, но и осуществляет общественный правовой контроль за отправлением правосудия. Адвокатура, как любой значимый общественный социально-правовой институт, подвержена правовому регулированию. Своеобразие данного правового института заключается в регламентации общественных отношений, напрямую связанных со сферой адвокатуры. В первую очередь это отношения, возникающие из осуществления адвокатом своей профессиональной деятельности.

На сегодня деятельность адвокатуры на территории Донецкой Народной Республики регулируется Конституцией Донецкой Народной Республики [1], Законом ДНР «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» от 24 сентября 2020 года [2], а также Указом Главы ДНР «О порядке предоставления правовой помощи адвокатами Донецкой Народной Республики при осуществлении производства по уголовным делам» от 30.06.2017 г. № 170 [3].

Стоит отметить, законодательство Донецкой Народной Республики не может охватить собой все аспекты деятельности той или иной группы лиц. Одновременно, безусловно, что к профессии адвоката предъявляются высокие требования не только профессионального плана, но и морально-этического, что вытекает из особенностей статуса адвоката как профессионального представителя и консультанта, призванного защищать права и законные интересы своих доверителей. Одним из таких основополагающих актов, принятых адвокатским сообществом и регулирующим деятельность адвокатов, является Кодекс профессиональной этики адвоката, утвержденный Конференцией адвокатов Донецкой Народной Республики в 2017 г. [4]. Кодекс профессиональной этики адвоката устанавливает обязательные для каждого адвоката правила его поведения при осуществлении адвокатской деятельности на основе нравственных критериев и традиций адвокатуры, в частности Кодекс предусматривает этические правила при взаимоотношениях с доверителем, с коллегами, при выступлении в судах, а также при взаимодействии со СМИ [4].

Стоит отметить, что, хотя Кодекс профессиональной этики и не является нормативным правовым актом, но, тем не менее, обязанность по соблюдению его положений вытекает из Закона ДНР «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» [2]. В самом Кодексе также закреплено, что он устанавливает «обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности». Более того, за нарушение положений Кодекса профессиональной этики, статьей 18 Кодекса установлена процедура дисциплинарного производства в отношении нарушивших его условия адвокатов [4].

Статьей 3 Закона «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» от 24 сентября 2020 года было определено, что адвокатура ДНР осуществляется свою деятельность на принципах законности, независимости, конфиденциальности и избежание конфликта интересов [2].

Кроме того, принципы адвокатской деятельности базируются на основании положений международных положений. Так, Устав Организации Объединенных Наций подтверждает право людей всего мира на создание условий, при которых законность будет соблюдаться, и провозглашает как одну из целей достижение сотрудничества в создании и поддержании уважения к правам человека и основным свободам без разделения по признакам расы, пола, языка и религии [5].

Всеобщей декларацией прав человека утверждены принципы равенства перед законом, презумпцию невиновности, право на беспристрастное и открытое рассмотрение дела независимым и справедливым судом, а также все гарантии, необходимые для защиты любого лица, обвиненного в совершении наказуемого деяния [6]. Международный пакт о гражданских и политических правах дополнительно провозглашает право быть выслушанным без проволочек и право на беспристрастное и открытое слушание дела компетентным, независимым и справедливым судом, предусмотренным законом [7]. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах напоминает об обязанностях государств в соответствии с Уставом ООН содействовать всеобщему уважению и соблюдению прав человека и его свобод [8]. Декларация об основных принципах

юстиции для жертв преступления и превышения власти рекомендует принятие мер на международном и национальном уровне для улучшения доступа к юстиции и справедливому отношению, возмещению вреда, компенсации и помощи для жертв преступления [9].

В соответствии с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в Конвенции. Фундаментальные права зафиксированы, в частности, в ст. 6 этого документа, в их числе – право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления вправе защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия [10].

Стоит заметить также, что само построение системы правовой регламентации адвокатской деятельности и адвокатуры является достаточно сложным. Речь идет о вертикальной и горизонтальной иерархии правовых актов. Основополагающим источником является Конституция Донецкой Народной Республики, в которую включены базовые положения, влияющие на функционирование адвокатуры в целом и определяющие ее предназначение. В частности, в Конституции указывается, что каждый имеет право получать квалифицированную юридическую помощь (часть 1 статьи 41). В соответствии с частью 2 указанной статьи задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеют право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения [1].

Конкретные полномочия адвоката при выполнении поручений по различным категориям дел (уголовным, гражданским и т.д.) регулируются кодифицированными нормативными правовыми актами ДНР. К ним, например, относятся Уголовно-процессуальный кодекс [11], Гражданский процессуальный кодекс ДНР [12], Арбитражный процессуальный кодекс ДНР [13] и иные.

Как было отмечено выше, ключевым элементом в системе регулирования адвокатуры и адвокатской деятельности является Закон Донецкой Народной Республики «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» [2] (далее Закон), принятый в 2020 году, которым регламентируются соответствующие отношения в указанной сфере. Законом в частности, определено понятие адвокатской деятельности и адвокатуры; урегулировано правовое положение адвоката; установлены формы корпоративного объединения адвокатов: профессиональные (коллегия адвокатов, адвокатское бюро, юридическая консультация, адвокатский кабинет) и общественные (Совет адвокатов Донецкой Народной Республики, и др.).

Согласно Закону, адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном Законом, своим доверителям в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения

доступа к правосудию [2]. Статьей 23 Закона установлены гарантии независимости адвоката. Так, вмешательство в адвокатскую деятельность, осуществляемую в соответствии с законодательством Донецкой Народной Республики, либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом запрещается. Пункт 2 данной статьи указывает также, что адвокат не может быть привлечен к какой-либо ответственности (в том числе после приостановления или прекращения статуса адвоката) за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии (бездействии) [2]. В целях обеспечения доступности для населения юридической помощи и содействия адвокатской деятельности органы государственной власти обеспечивают гарантии независимости адвокатуры, осуществляют финансирование деятельности адвокатов, оказывающих юридическую помощь гражданам Донецкой Народной Республики бесплатно в случаях, предусмотренных законодательством Донецкой Народной Республики, а также при необходимости выделяют адвокатам и адвокатским образованиям служебные помещения и средства связи (ст. 3 Закона) [2].

Каждому адвокату гарантируется социальное обеспечение, предусмотренное для граждан Конституцией Донецкой Народной Республики. Также законодательно установлено, что адвокат, члены его семьи и их имущество находятся под защитой государства. Органы внутренних дел обязаны принимать необходимые меры по обеспечению безопасности адвоката, членов его семьи, сохранности принадлежащего им имущества (п. 4 ст. 23 Закона) [2].

Законом предусматривается и страхование риска ответственности адвоката (ст. 24): адвокат осуществляет в соответствии с законом страхование риска своей профессиональной имущественной ответственности за нарушение условий заключенного доверителем соглашения об оказании юридической помощи [2].

Таким образом, в настоящее время адвокатская деятельность является независимой, профессиональной, высококвалифицированной деятельностью, осуществляющей лицами, получившими в предусмотренном законом порядке особый статус адвоката, направленной на обеспечение защиты законных прав и интересов граждан и юридических лиц, регулируется специальными нормами, в том числе специальным законом, организационно состоит из органов адвокатского самоуправления, предусматривает действующие гарантии независимости адвоката, а также определенные правила поведения и ограничения деятельности, включая обязательные правила морально-этического характера.

Также приходится констатировать, что даже несмотря на достаточно активное развитие законодательства, определяющего статус адвокатуры и специфику адвокатской деятельности, существует ряд проблем, связанных с отдельными аспектами правовой регламентации в данной сфере. К ним, в частности, относятся следующие:

– во-первых, в статье 4 Закона [2] отсутствует указание на международные нормы и принципы, являющиеся, как уже подчеркивалось, важной составляющей правовой основы деятельности адвокатуры и адвокатов. Данная законодательная лакуна отрицательно сказывается на процессе интегрирования

норм международного права в указанной сфере в российскую национальную правовую систему. В связи с этим, необходимо дополнить статью 4 Закона, указав на вышеназванные нормы и принципы;

– во-вторых, существует еще один серьезный законодательный пробел. В глоссарии Закона об адвокатуре и адвокатской деятельности не раскрывается содержание понятия «квалифицированная юридическая помощь». Познание правовой действительности вызывает потребность расширения юридических понятий посредством выработки новых. Так как категория «квалифицированная юридическая помощь» закреплена на законодательном уровне, то для ее применения следует определить формальный и содержательный аспекты. Без этого «законодатель может издавать законы, объективно не обеспечивающие реализацию права человека на квалифицированную юридическую помощь» [14, с. 7]. Существующая до сих пор терминологическая неоднозначность в определенной степени негативно влияет на развитие теории и совершенствование практики реализации права на квалифицированную юридическую помощь человеком и гражданином. С целью устранения данного пробела считаем целесообразным сформулировать адекватное реалиям определение понятия «квалифицированная юридическая помощь» и закрепить его в Законе как общеобязательную дефиницию. При формулировании указанного понятия важно учесть тот факт, что оказание квалифицированной юридической помощи относится к юридической деятельности, осуществляется исключительно на профессиональной основе и заключается в совершении действий (фактических и юридических), направленных на защиту прав, свобод и интересов как физических, так и юридических лиц.

Так, говоря об отдельных проблемах правового регулирования в сфере адвокатской деятельности и адвокатуры, важно учитывать, что не все возможности совершенствования законодательства исчерпаны. Одной из причин этого является отсутствие научно обоснованной концепции нормотворческой деятельности в указанной сфере, которая должна включать следующие компоненты: определение пределов правотворческой деятельности; осуществление «тщательной юридической, финансовой и иной взаимосвязи подготавливаемых законопроектов; проведение независимой и объективной правовой экспертизы...» [15, с. 68], объединение усилий ученых и субъектов правотворческой деятельности по формированию конкретной системы целей и задач правового регулирования в сфере адвокатской деятельности в интересах граждан; обеспечение соответствия международной модели нормативно-правового регулирования при учете национальных интересов. М.П. Пронина, подчеркивает, что «... необходимо радикальное обновление всей законодательной базы, повышение уровня ее эффективности, обеспечение внутренней согласованности правовой системы на основе федеративного государства» [16, с. 52]. Высказанная автором точка зрения имеет отношение к правовой регламентации в сфере адвокатской деятельности. Таким образом, становление гражданского общества, институтом которого является адвокатура, «обусловлено эффективностью механизма действия права» [17, с. 72]. Следовательно, в ходе нормотворческой деятельности необходимо выявлять малоэффективные звенья в механизме правового регулирования и определять направления по устранению негативных проявлений.

Список использованной литературы:

1. Конституция Донецкой Народной Республики, принятая Верховным Советом Донецкой Народной Республики 14 мая 2014 г.: официальный текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/> (дата обращения: 20.09.2021)
2. Об адвокатуре и адвокатской деятельности официальный текст: Закон ДНР № 199-ПНС от 24.09.2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-ob-advokature/> (дата обращения: 20.09.2021).
3. О порядке предоставления правовой помощи адвокатами Донецкой Народной Республики при осуществлении производства по уголовным делам: официальный текст Указ Главы ДНР от 30.06.2017 г. № 170 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0001-170-20170630/> (дата обращения: 20.09.2021)
4. Кодекс профессиональной этики адвоката 31 января 2003 г., принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> (дата обращения: 21.09.2021)
5. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 21.09.2021)
6. Всеобщая декларация прав человека: принятая резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents-/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 24.09.2021)
7. Международный пакт о гражданских и политических правах, принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 24.09.2021)
8. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 24.09.2021)
9. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятая резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата обращения: 22.09.2021)
10. Европейская конвенция по правам человека от 1950 г.: измененная и дополненная Протоколами № 11 и № 14, вступившими в силу 1 июня 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/documents/convention_rus.pdf (дата обращения: 22.09.2021)
11. Уголовно-процессуальный кодекс ДНР: Закон Донецкой Народной Республики № 240-ІНС, принятый Постановлением Народного Совета 24 августа 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoy-narodnoj-respubliky/> (дата обращения: 23.09.2021)

12. Гражданский процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики № 278-ПНС от 30.04.2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/grazhdanskij-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 23.09.2021)

13. Арбитражный процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики № 277-ПНС от 30.04.2021, действующая редакция по состоянию на 01.07.2021, принят Постановлением Народного Совета 30 апреля 2021 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatyie/zakony/arbitrazhnyj-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 24.09.2021)

14. Яткевич О.Г. Уровень разработанности понятия «реализация права человека на квалифицированную юридическую помощь» / О.Г. Яткевич // Юрист. 2014. – № 4. – С.6-10.

15. Раянов Ф.М. Проблемы теории государства и права / Ф.М. Раянов. – М.: Государство и право, 2003. – 304 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.studmed.ru/view/rayanov-fm-problemy-teorii-gosudarstva-i-prava-yurisprudencii_a26350190a6.html (дата обращения: 25.09.2021)

16. Пронина М.П. Специфика взаимосвязи культуры и юридической техники в правовых системах современного мира / М.П. Пронина // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 1 (33). – С. 52-57 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/-contents.asp?issueid=1561298> (дата обращения: 25.09.2021)

17. Рясина А.С. Роль законодателей и правоприменителей в формировании и развитии гражданского общества в России: научный сборник по материалам круглого стола, посвященного Дню Российской науки. – Саратов: Изд. Центр «Наука», 2015. – С. 72-75.

УДК 343. 01

ИНСТИТУТ РАССМОТРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН

Олифиренко Екатерина Павловна, Северо-Кавказская государственная
академия, г. Черкесск, E-mail: anna-54@bk.ru

Аннотация. Настоящее исследование посвящено изучению института обращений граждан в РФ. Автором проанализированы доктринальные источники и практики реализации обращений, а также рассмотрены характерные особенности процедуры рассмотрения обращений граждан. В работе использовались следующие методы исследования: общенаучный диалектический, системно-структурный, формально-юридический, логический и сравнительно-правовой. Автором сформулированы конкретные предложения теоретического и практического характера.

Abstract. This study is devoted to the study of the institute of appeals of citizens in the Russian Federation. The author analyzes the doctrinal sources and practices of the implementation of appeals, and also considers the specific features of the procedure for considering citizens' appeals. The following research methods were used in the work: general scientific dialectical, system-structural, formal-legal, logical and comparative-legal. The author formulated specific proposals of a theoretical and practical nature.

Ключевые слова: обращения граждан, коллективные обращения, органы публичной власти, правовое государство.

Key words: citizens' appeals, collective appeals, public authorities, the rule of law.

Эффективное функционирование правового государства в условиях трансформации российской политической системы находится в прямой зависимости от особенностей диалога властных структур и гражданского общества, в том числе построения оптимальной обратной связи как на федеральном, так на и региональном уровнях. В контексте данной проблемы первоочередной задачей российской власти является формирование такой модели взаимодействия с гражданским обществом, которая отвечала бы современным реалиям [1, с. 512]. Одним из действенных механизмов подобного взаимодействия выступает институт обращения граждан.

Целью настоящего исследования является осуществление комплексного анализа деятельности органов государственной власти по рассмотрению обращений граждан для разработки теоретических положений и практических рекомендаций.

Для достижения обозначенной цели определены следующие задачи:

- определить сущность и содержание правовой категории «обращения граждан»;
- изучить содержание действующих нормативных правовых актов в области рассмотрения обращений граждан в органы внутренних дел;

- выявить проблемы и тенденции развития правового регулирования деятельности органов государственной власти с обращениями граждан;
- предложить рекомендации по повышению эффективности работы органов государственной власти с обращениями граждан и снижению уровня нарушений законности.

В правовой сфере данный институциональный фактор отражен в статье 33 Конституции Российской Федерации, согласно которой «граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления» [2]. Учитывая, что данное конституционное право является абсолютным, неограниченным и неотчуждаемым, его специфика заключается в том, что оно находится на стыке и обуславливает взаимодействие двух базовых институтов государства и гражданского общества по различным вопросам, а также является одним из показателей отношения граждан к представителям органов власти [3, с. 78]. Однако, как показывает практика, для плодотворной деятельности государственных органов необходимо разработать также четкий механизм реализации данного правового положения.

Исследованию сущности, назначения и особенностям развития института обращений граждан посвящено значительное количество научных работ. Среди всего многообразия концепций наиболее детальное, на наш взгляд, определение обозначенному понятию в своем теоретическом исследовании сформулировала В.Г. Румянцева. По ее мнению институт обращения граждан является самостоятельным комплексным правовым институтом, утвержденным российским и международным законодательством, на основе которого закрепляется право человека и гражданина, их объединений лично или коллективно, напрямую или через представителей, в устной или письменной форме обращаться в государственные органы и органы местного самоуправления в правоохранительных или правозащитных целях или для того, чтобы принимать участие в управлении делами государства [4, с. 2].

Значительная доля принадлежит исследованиям конституционно-правового характера понимания сущности института обращений граждан в органы государственной власти, отраженных, в частности, в работах А.П. Алексеева, В.В. Бойцовой, Н.В. Витрука, Л.Д. Воеводина, Ю.А. Дмитриева, М.А. Миронова, А.В. Савосыкина, А.А. Титова, Б.С. Эбзева и др. Так, ученый-конституционалист А.В. Савосыкин отмечает, что право на обращения в органы публичной власти – это подлежащее обязательному рассмотрению волеизъявление индивида (группе индивидов или их объединений), соответствующее по форме нормативно-установленным правилам, выражющееся в виде письменного, устного или конклюдентного требования о реализации прав, свобод и законных интересов, обращенное к органу государственной власти, органу местного самоуправления или организации, реализующей публично значимую функцию, а также к их должностным лицам [5, с. 89].

В научных исследованиях А.М. Елисеевой, К.П. Кульпиной, Я.Э. Меженина, Т.В. Петухова, К.В. Подьячева, А.В. Прудника, Л.И. Никовской, М.А. Ширинкиной акцент сделан на формы социального взаимодействия,

гражданского и политического участия граждан. Так, например, Я.Э. Меженин предлагает определение категории «обращения граждан» как «форму проявления активности граждан, выражющуюся в формулировании социальных проблем и поиске путей их решения совместно с представителем властных структур» [6, с. 12]. В свою очередь К.В. Подъячев предложил сделать акцент на форме артикуляции интересов, в виде направленного структурам публичной власти юридически оформленного требования гражданина или группы граждан [7, с. 121].

Проблемы субъективного права граждан на обращения в контексте прав и свобод личности рассматривали Ю.Н. Алистратов, Л.И. Глухарева, Н.И. Гритчина, М.В. Карасева, В.В. Кравченко, А.П. Любимов, В.В. Пасынков, Н.Г. Савосина, Н.Ю. Хаманева и другие ученые. Так, в частности, Ю.Н. Алистратов и Ю.А. Дмириев рассматривают данное правоотношение как форму непосредственной демократии, при которой гражданское общество посредством обращений граждан информирует властные структуры, обозначает проблемное поле для анализа и принятия управленческих решений, тем самым, участвуя в управлении государством. Определяя данный институт как необходимое условие эффективного развития общества и потребность каждого отдельного гражданина, подчеркивают, что общество обязано удовлетворить потребности гражданин [3, с. 117]. По мнению А.А. Дворака и А.П. Любимова, право на обращения – это право граждан, в том числе иностранных граждан и лиц без гражданства, обращаться в письменной или устной форме с предложением, заявлением, ходатайством, а также с жалобой, которые адресуются органам, в чью компетенцию входит решение этих вопросов [8, с. 147].

Значительный вклад в практику нормативного и процессуального обеспечения обращений граждан в публичные властные органы внесли теоретические разработки О.Н. Аристовой, П.А. Беляковым, Н.А. Бобровой, С.И. Бойченко, В.А. Виноградовым, Л.Б. Ескиной, Н.Н. Ковалевой, Н.М. Колосовой, С.А. Носковым, С.Б. Соболевым, Л.Н. Федоровой, А.М. Цалиевым и т.д. В частности, С.Б. Соболев предлагает рассматривать право на обращение как придаточное по отношению к основному праву граждан на участие в управление делами государства, поскольку оно не носит обязательного характера для государственных органов и основной целью которого является обеспечение механизма реализации конституционного права граждан на обращения в государственные органы [9, с. 165]. Небезынтересной в данном вопросе представляется позиция Л.М. Вяловой, согласно которой обращение может рассматриваться государством как важнейшее средство реализации прав граждан на выявление недостатков в деятельности государственного аппарата, отдельных организаций [10, с. 14], в этой части их мнения совпадают с исследованием Верещагиной Л.Н, а также, внесение предложений по совершенствованию работы государственных структур, принятие участие в восстановлении нарушенных прав и свобод, обеспечении социальной справедливости [10, с. 54].

Наиболее полным, на наш взгляд, следует признать научное определение права на обращения, предложенное С.А. Широбоковым, который полагает, что обращение – это «волеизъявление индивида, выражющееся в конкретных действиях, имеющих письменную или устную форму, соответствующую

правилам, закрепленным в нормативно-правовых актах, направляемое в органы государства или органы местного самоуправления, в видах, необходимых для того, чтобы реализовать, предоставить, защитить или восстановить права и свободы» [12, с. 6].

Приведенное определение содержит необходимые признаки исследуемого института: субъект обращения, неотъемлемый характер и обязательность рассмотрения, форма выражения волеизъявления, цели реализации. Есть основания предположить, что отсутствие любого из вышеперечисленных элементов отменяет обращение гражданина или изменяет в другое вид волеизъявления.

Отдельное внимание считаем целесообразным уделить вопросу классификации обращений. Так, статьей 4 федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» определены следующие виды обращений:

- предложение – обращение в органы власти по поводу улучшения деятельности государственных учреждений, развитию общественных отношений, улучшению состояния различных сфер жизни, который носит рекомендательный характер;

- заявление – обращение, направляемое в формате просьбы, которая нацелена на получение содействия в рамках реализации прав и свобод гражданина или других лиц, может также указывать на недостатки деятельности аппарата управления на различном уровне или критиковать его;

- жалоба – обращение, представляющее собой просьбу по вопросам защиты гражданина или других лиц [13]. Помимо перечисленных в законе, отдельные ученые выделяют такие вид обращений как ходатайство подразумевая «письменное обращение гражданина в государственные органы с просьбой о признании определенного статуса, прав и свобод» [8, с. 214] и запрос как «требование о получении официальной информации по какому-либо вопросу» [9, с. 161].

Таким образом, проанализировав теоретические воззрения различных научных школ можно сделать вывод, что каждое из рассмотренных определений имеет положительные и отрицательные моменты с субъективной точки зрения. Однако практически во всех научных работах прослеживается мысль о междисциплинарном подходе к исследованию данного института и наглядно демонстрируется тесная связь с концепцией о гражданском обществе. Также важно отметить, что право на обращение может быть реализовано путем направления письменных предложений, жалоб, заявления, а также путем устного обращения в процессе личного приема у должностных лиц государственных структур.

Отсутствие законодательно закрепленных механизмов реализации права на коллективные обращения порождает в научных кругах бурные дискуссии. Принимая во внимание научно-обсуждаемые тезисы по данной теме, полагаем целесообразным внести предложение о дополнении действующего федерального закона главой, посвященной коллективным обращениям, отразив в ее содержании определение понятия «право на коллективные обращения», правовые нормы, гарантирующие право лиц на коллективные обращения, а

также предусмотреть механизм реализации данного права. Учитывая важность данного положения, определение данного понятия можно сформулировать следующим образом, права на коллективные обращения – это обращения группы граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства в органы публичной власти по наиболее важным вопросам, затрагивающим их права, свободы и законные интересы.

Рассмотренные особенности института обращений граждан, на наш взгляд, являются необходимыми и достаточными для описания исследуемого правового явления, что в свою очередь открывает новые возможности при изучении обращений граждан как юридической категории в целях дальнейшего совершенствования правового регулирования и практики рассмотрения обращений.

Таким образом, подводя итог хотелось отметить, что сущность института обращений в органы власти выражается в комплексном характере данного правового института. Путем реализации своих правомочий граждане вправе участвовать в управлении делами государства, реализовывать и защищать свои права, свободы и законные интересы.

Считаем целесообразным предложить более точную формулировку самого понятия «обращения граждан», отражающую все вышерассмотренные признаки, а именно «это неотъемлемое право лица обращаться в органы публичной власти в целях защиты и реализации своих прав, свобод и законных интересов в устной, письменной или электронной форме, путем индивидуальной или коллективной реализации». Также считаем необходимым приведенную в федеральном законе классификацию обращений граждан дополнить такими видами обращений, как запрос, ходатайство, сообщение. Учитывая, что Конституцией РФ и гражданским законодательством гарантировано право граждан действовать как непосредственно, так и через своего представителя, предлагаем дополнить Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации» следующими положениями: правовой нормой, посвященной коллективным обращениям, отразив в ее содержании определение понятия «право на коллективные обращения», правовые нормы, гарантирующие право лиц на коллективные обращения, а также предусмотреть механизм реализации данного права, а также добавить, в перечень видов обращений, приведенных в законе понятие «петиция», которое подразумевает под собой коллективную просьбу в письменной форме, обращенную к органам власти и положением, в соответствии с которым гражданин реализует право на обращения не только лично, но и через представителей на основе полномочий, основанных на доверенности или указаниях закона.

Список использованной литературы:

1. Борода К.А., Дьякова Т.Ю. Перспективы совершенствования механизма реализации конституционного права граждан РФ на обращение // Сборник статей по материалам IX Всероссийской конференции молодых ученых. – 2016. – С. 512-513.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.
3. Алистратов Ю.Н. Право граждан на обращения в органы публичной власти и органы местного самоуправления в условиях становления демократического правового государства в России: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1997. – 152 с.
4. Румянцева В.Г. Институт обращения граждан в органы государственной и местной власти: понятие, сущность, содержание // История государства и права. – 2008. – № 14. – С. 2-4.
5. Савоськин А.В. «Обращение граждан» как правовая категория // Научный ежегодник Института философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2017. – С. 85-99.
6. Меженин Я.Э. Становление и функционирование социального института обращений граждан в органы власти: автореф. дис. ... канд. социолог. наук. – Барнаул, 2013. – 23 с.
7. Подъячев К.В. Обращения граждан в органы государственной власти и местного самоуправления как форма гражданского участия: дис. ... канд. полит. наук. – Москва, 2007. – 199 с.
8. Дворак А.А. Реализация конституционного права граждан на обращения в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2004. – 246 с.
9. Скрябина М.В. Понятие и сущность права на обращение в органы публичной власти в Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 4 (32). – С. 160-165.
10. Вялова Л.М. Порядок работы с обращениями граждан. – М.: МЦФЭР, 2004. – 94 с.
11. Верещагина Л.Н. Практика отстаивания интересов граждан через обращения в органы государственной власти как форма социального контроля. – Краснодар, 2011. – 27 с.
12. Широбоков С.А. Универсальность конституционного права на обращения // Черные дыры в российском законодательстве. – 2015. – № 3. – С. 6-9.
13. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018 № 528-ФЗ) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 08.05.2006, № 19, ст. 2060.

ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ

Международный научный журнал

Выпуск № 11 / 2021

Подписано в печать 15.11.2021

Рабочая группа по выпуску журнала

Ответственный редактор:

Морозова И.С.

Редактор: Гараничева О.Е.

Верстка: Мищенко П.А.

Издано при поддержке
ГОУ ВПО «Донбасская
аграрная академия»

ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия»
приглашает к сотрудничеству студентов, магистрантов,
аспирантов, докторантов, а также других лиц,
занимающихся научными исследованиями,
опубликовать рукописи в электронном журнале
«Правовая позиция».

Контакты:

E-mail: donagra@yandex.ua
Сайт: <http://donagra.ru>

